

Призрак Безымянного переулка

Автор:

Татьяна Степанова

Призрак Безымянного переулка

Татьяна Юрьевна Степанова

Следствие ведет профессионал

В московском Безымянном переулке, в подвале бывшей мыловаренной фабрики, найдено захоронение вековой давности. Останки принадлежат семерым, двое из них дети, причем все застрелены из «маузера» в затылок. Это давнее убийство-казнь повлекло за собой кровную месть и череду новых преступлений, не менее страшных и загадочных. Жуткая семейная история мыловаров Астаховых, передающих свое дело и свою тайну по женской линии: от Аннет к Авроре, Александре, Алисе, – чрезвычайно заинтересовала старшего лейтенанта полиции Дмитрия Лужкова, а также Екатерину Петровскую, криминального обозревателя пресс-центра ГУВД, и ее старинного друга Сергея Мещерского. Втроем они и берутся за расследование мрачного преступления, срок давности которого давно миновал...

Татьяна Степанова

Призрак Безымянного переулка

О закрой свои бледные ноги

Валерий Брюсов

© Степанова Т. Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Щелок, лаванда и жир

Вся эта полифония ночи...

Если это не музыка, то что это? Сон?

О кошмарах пока говорить рано.

От кошмаров порой помогают таблетки.

Но порой и не помогают, увы...

Самый глухой темный час, но Москва не спит. Москва вся в рекламных огнях, фонарях, осеннем дожде, облаках, разорванных ветром в клочья, звездах, которых не видно.

Словно огромный оркестр настраивает инструменты – шум машин с Андроньевской площади, грохот и звон трамвая, натужно поднимающегося в горку Андроньевского проезда. Музыка по телевизору, включенному где-то на нижнем этаже кирпичного дома, где не спят старики, мучаясь бессонницей.

Крики ворон, угнездившихся в кронах старых, словно нечесанных, лохматых тополей в саду церкви.

Ворон будит по ночам яркий свет рекламного панно, и они хрипло каркают, словно надсадно кашляют.

А может, это кашель за стеной...

И звон. Легкий, тонкий, как звук челюсты, звон хрустала.

Хрустальные подвески на люстре? Да, и они – звучат, еле заметно подрагивая. Это от того, что трамвай, лязгая и стуча колесами, опять поднимается в горку от Волочаевской улицы к монастырю.

Волочаевская улица – вся в серых многоквартирных домах, дворы закрыты шлагбаумами. Переулки в этот час тихие, словно мертвые. И свет горит лишь в редких окнах.

А подвески люстры под высоким лепным потолком звенят, зовут в ночь.

И не только они. Изящные старинные хрустальные флаконы из-под духов, собранные, выставленные на полках французского шкафа-витрины, подают свой голос – звон каждый раз, когда по Андроньевскому проезду грохочет трамвай.

Когда в этой комнате, на паркете, покрытом лаком, прыгали, плясали, играли в догонялки дети, флаконы за стеклом шкафа-витрины тоже пускались в пляс.

Разноцветное стекло – розовое, синее, золотистое, прозрачное. Но это всего лишь пустая тара. Эти флаконы никогда не были заполнены настоящими духами.

Потому что ФАБРИКА свои духи так и не создала.

На фабрике варили мыло и делали крем. Производили лечебную косметику.

А потом много чего другого, потому что время шло, все менялось, в том числе спрос и конъюнктура.

На полках шкафа-витрины и сейчас можно увидеть прелестные жестяные коробочки для мыла, украшенные пухлыми херувимами, пленительными пышнотелыми дамами с букетами роз и просто цветами – каскадом, водопадом цветов, намалеванных прямо на жести.

Хризантемы... Это мыло «Гейша».

Розы... Это мыло «Шираз».

Сирень... Ох, это конкуренты – мыло «Персидская сирень», фабрика Брокара.

Брокару в этих стенах всегда желали удавиться в намыленной петле. Только вот чтобы мыло для веревки было своим, фабричным. Потом это, правда, стало неактуально, потому что Брокар сгинул сам по себе.

Фиалки... Это мыло «Парма».

Полынь... Да, да, полынь, такая проза, трава... Но это знаменитое мыло «Луговое», самое демократичное и популярное после «мыла от перхоти». Его покупали когда-то все: и гимназисты, и офицеры, и барышни, и сановники, и купцы, и мещане, и актеры Больших и Малых Императорских театров – и даже на Хитровку его привозили в целях благотворительности, и в простонародные бани.

Там такая зеленая жестяная коробочка и на ней трава – полынь. А для бедных его вообще заворачивали в грубую бумагу.

Гвоздика... Мыло для господ «Осман-паша».

Мак... Мыло «Лауданум».

Его потом хотели со скандалом изъять из производства, потому что опий есть опий, даже в мыле.

Лаванда... Мыло «Прованс».

И оно, это мыло...

О, не надо, не надо, не надо, нет больше сил, когда это снится!

О, пожалуйста, не надо, я вас прошу, я вас умоляю! Это же так страшно.

Эти кошмары... Вот опять...

Звон хрусталя.

Грохот трамвая.

Темная ночь.

Стон.

Женщина в широкой, как море, двуспальной кровати заворочалась, заметалась на подушках. Она стонала, почти кричала во сне. Кричала от страха и боли.

Электронные часы-будильник на широком мраморном подоконнике показывали 3.33.

Колдовское время, когда открывают глаза все ночные чудовища, все страхи, все наши самые тайные кошмары и фобии. Жуткие, желтые, горящие во тьме глаза... И пьются, пьются из тьмы, скалясь окровавленными клыкастыми ртами.

Эти твари...

Кошмары...

Женщина в кровати повернулась на бок, подтягивая колени, корчась, сжимаясь в позе эмбриона, словно пытаюсь спрятаться, зарыться в подушки и матрас. Одеяло свесилось до пола.

Пустая темная спальня. Незашторенное окно. На ковре, на самой середине, сброшенные лодочки «Шанель». Сумка «Шанель», открытая, словно в ней лихорадочно что-то искали перед сном... Что? Конечно же, таблетки, чертовы пилюли...

Голубое платье из тонкого кашемира, кружевной лифчик, трусики – все комом на полу. Тут же у кровати – пустая бутылка белого вина «Шабли».

Все это – самая обычная картина для этой спальни. Как и бутылка, как и рассыпанные по паркету таблетки.

Но эти средства давно уже не помогают. Ни черта вообще не помогает, когда вот так кричишь, стонешь и корчишься во сне, потому что...

Сон...

Кошмар...

Он такой вкрадчивый...

Он такой реальный, такой осязаемый.

Такой горячий, горячий, как вар.

Вар и пар. Щелок и жир. И еще лаванда, эта чертова лаванда, ей так пахнет, так воняет!

Так воняет этой душистой лавандой – гордостью Прованса, что глаза слезятся и в горле першит.

И вроде как ничего не видно поначалу в этом ночном кошмаре. Потому что пар... Едкий пар наполнил фабричный цех.

Но дальше все же можно разглядеть главные детали.

Железные балки под высоким потолком цеха, еще не тронутые ржавчиной. И на них – стальные цепи с крюками, чтобы цеплять формовочные емкости и отправлять по балкам, как по рельсам, в формовочный цех.

Пол, выложенный крепкой каменной плиткой. Плитка вся мокрая. Потому что чаны полны, в них все кипит и бурлит и выплескивается наружу, словно из ведьминового котла.

Три огромных чана. Щелок, жир...

Жир, щелок...

Брикеты лаванды тут же в железной тачке, но лаванду в чаны пока еще не добавляли. Это позже.

Нечем дышать от всепроникающей вони. Как бы описать эту вонь поточнее? Ведь кошмар – он весь соткан не только из зрительных образов, но и из запахов. И это самое страшное. Когда женщина просыпается с воплем ужаса, она все еще чувствует этот запах, словно вкус на языке.

Щелок – запах золы, разведенной в кипятке.

Жир...

А вот тут сложнее. Потому что вонь такая, словно варят крепкий бульон. Варят какое-то мясо в одном из клокочущих чанов.

Во сне она всегда видит то, что там плавает.

Мутная жижа. Но так всегда на первых этапах, когда варят мыло.

В чане что-то булькает, с глухим треском лопается. Это лопаются бедренные кости или ребра.

Или лопается череп, и кожа и плоть сходят с голой кости клоками.

Из кипящей клокочущей воды показывается рука – чудовищного вида, багровая, вываренная, со скрюченными пальцами.

Багровая пятка, колено, плечо.

Голова.

И тут же откуда-то со дна выныривает еще одна голова в ореоле спутанных темных волос.

Пустые глазницы. Сваренная заживо плоть.

Женщина в кровати кричит во сне так громко, что ее, наверное, слышно на улице. Кричит так, словно ее пропороли штыком.

Но Безымянный переулок в этот ночной час пуст.

Безымянный переулок хранит свои тайны.

И любит кошмары.

И тайн и кошмаров у Безымянного переулочка немало.

Глава 2

Рецепт парфюмера и белые голуби

19 декабря 1907 года

Яков Костомаров проснулся в своей спальне от шума – внизу в детской громко плакал ребенок. Это сын покойного брата Иннокентия Костомарова – крошка двух с половиной лет.

В детской уже вовсю суетились няньки, ими командовала вдова брата. Россыпь быстрых шагов по лестнице вниз – это семилетняя дочка брата, не слушая свою гувернантку-француженку, выскочила из классной и ринулась в детскую. Она не терпела, когда малыш плакал, и всегда принимала самое активное участие во всей этой чисто женской домашней суете.

По булыжной мостовой Андроньевского проезда, спускаясь под горку, гроыхали пролетки.

Яков Костомаров сел в постели, спустил ноги в шелковых кальсонах на персидский ковер и почесал всклокоченную потную голову. Потом лениво потянулся к золотым часам – брегету, свисавшему из кармана жилета, небрежно

брошенного на спинку кресла.

Одиннадцать часов.

Когда был жив отец, когда был жив старший брат Иннокентий, Яков никогда не вставал так поздно. Шесть утра – они все уже были на ногах. Фабрика диктовала свой рабочий график. Купцы первой гильдии Костомаровы поднимались с первыми петухами. Яков и теперь так поступал, сделавшись после смерти отца и брата единоличным владельцем фабрики.

Но в это утро проспал. Тому имелась причина. Даже две. Вчерашний поздний банкет в Купеческом клубе и... сегодняшней длинный многотрудный день, который потребует много сил. Да, немало сил. Поэтому купец Яков Костомаров запретил себя будить в это утро.

Суббота. Фабрика работала и по субботам. По воскресеньям рабочие отдыхали. А по субботам Яков Костомаров установил восьмичасовой рабочий день вместо десятичасовой смены в будни.

Он поднялся, наступил на жемчужную запонку, выпавшую из крахмальной сорочки, брошенной там же, где и жилет, и брюки английского сукна в полоску. Он не обратил на запонку никакого внимания – горничная положит на камин, когда станет делать уборку в спальне. И прошел в туалетную комнату. Уборную по английскому принципу – «дерни и смой» – оборудовал в их доме в Безымянном переулке еще покойный отец.

В туалетной имелось окно. Оно выходило в сад, на задний двор. За голыми деревьями были видны крыши цехов фабрики – отсюда и до самой железной дороги. А там уже начинались цеха и бараки завода Гужона.

Налив в фаянсовый таз воды из кувшина и ополоснув руки и лицо, Яков Костомаров взял в руки кусок мыла, лежавшего рядом с тазом в фарфоровой мыльнице.

Мраморное мыло. Без всяких цветочных отдушек. Собственного производства. Его любимое. Почти такая же гордость их костомаровской мыловаренной фабрики, как и мыло от перхоти, сделавшее его отца богатым и знаменитым промышленником. На базе этого мыла брат Иннокентий придумал минеральную

пудру. И они начали продавать специальные косметические наборы в одной коробке – мыло и пудра. Потом к этому добавились еще крем и румяна.

Брат Иннокентий тоже весьма прославился – этими вот наборами. Они заработали на них два миллиона. Но брат скоропостижно умер от инфаркта в самый разгар московского восстания, когда на Красной Пресне палили из пушек. И теперь его черед, Якова, продвигать новые продукты костомаровской парфюмерии. Мыло – это отец, пудра и наборы – брат. А он должен прибавить к этому духи. Неповторимый аромат. Недаром же он учился во Франции на парфюмера. А до того почти пять лет изучал химию в Кембридже и Марбурге.

Он вышел из туалетной, на ходу надевая домашний, расшитый золотом бухарский халат и подпоясываясь. Глянул в окно.

Безымянный переулок. На той стороне – новый дом из красного кирпича. Они специально построили его для инженерно-технического персонала фабрики. Просторные пятикомнатные и шестикомнатные квартиры занимали целые этажи. А всего этажей – шесть. Высокий дом для Безымянного переулочка. В этом доме жили инженеры-немцы. Яков Костомаров им хорошо платил. Они знали свое дело, следили за производством, оборудованием. И в прочие дела фабрики не влезали.

Если глянуть из окна налево, то можно было увидеть стену Андроньевского монастыря, а рядом по берегу ручья Золотой Рожок – дощатые бараки, там жили рабочие. Никакой скученности, никаких грязных нар, помещений трущобного вида, которые имелись в бараках соседнего завода Гужона. В бараках жили по две-три семьи. Всего двадцать девять человек – рабочие фабрики вместе с женами, кто до сих пор был женат.

Они и составляли Корабль. Что-то вроде общины, куда чужих не допускали.

Яков Костомаров причесался перед зеркалом. Несмотря на свои тридцать лет, он уже начал лысеть. И борода почти не росла. Он ощущал сухость и першение в горле. Делами Корабля он займется поздним вечером. После смены рабочие сначала пойдут в баню – он еще накануне распорядился, чтобы туда привезли в достатке «Лугового» и «Дегтярного» мыла.

А у него на два часа назначена встреча с Семеном Брошевым, которому он в принципе ничего плохого не желает. Нет, нет, исключительно хорошие пожелания...

Семен Брошев почти закончил свои метания, духовные искания, вылез наконец-то, выпростался, как младенец из последа, из своей долгой тяжелой депрессии и решил обрести новый духовный путь.

Решил убелиться.

То есть примкнуть к Кораблю уже не на словах, не в пустой болтовне, а по-настоящему. Плотски.

Ну что ж, Яков Костомаров был этому рад.

Но в горле...

В сердце...

Ах нет, все же в горле и ниже, там, за грудиной, что-то саднило и свербило, замирало и даже испуганно екало.

Нет, это не от трусости и малодушия, а всего лишь от выпитого вчера на банкете в Купеческом клубе вина. Вино было превосходное, но он вообще очень редко пил в силу своей приверженности Кораблю. Только в целях маскировки, чтобы не заподозрили. Нет, и из удовольствия тоже, потому что вино было превосходное. И банкет вчерашний, который Купеческое собрание давало в клубе на Большой Дмитровке в честь бывшего генерал-губернатора Москвы адмирала Федора Дубасова, тоже, как говорится, удался на славу.

Если бы не один инцидент в курительной.

Он и испортил все впечатление от торжества.

Яков Костомаров опустил в кресло у окна. Глядел на Безымянный переулок. Завтракать ему не хотелось, да его и так ждет поздний завтрак с Сеней Брошевым, единственным сыном и последним в роду наследником купцов

Брошевых-Шелапутиных, владельцев фармацевтической фабрики на Вороньей улице и двух медных рудников на Урале.

Выпитое вчера на банкете вино отзывалось кислым вкусом во рту. Яков Костомаров вспомнил, как они все сидели за длинным столом в банкетном зале – цветы в хрустальных вазах, огни хрустальных люстр, богемское стекло, серебро и...

Этот скрипучий звук, когда лакей вкатил деревянное инвалидное кресло с бывшим генерал-губернатором Москвы Федором Дубасовым.

И они увидели не бравого адмирала, железной рукой подавившего московский бунт, а тощего старика с жалко трясущейся головой и скрюченными, изуродованными ногами.

Вспомнил, как они встали все, приветствуя Дубасова. Вспомнил громкий тост, подхваченный вроде бы с единым всеобщим воодушевлением: «Здоровье его превосходительства!»

Вкус вина...

И шепот, тихий и ехидный, соседей справа, наследников клана Боткиных и Солдатенковых:

«Полная развалина... А он думал, ему так все с рук сойдет, что он тут в Москве натворил. Сколько народа расстрелял! Бог – он все видит. И с палачами не церемонится. Держу пари, двух лет не протянет, откинет копыта».

Полной развалиной в инвалидном кресле бывший генерал-губернатор столицы Федор Дубасов стал после двух покушений эсеров. Его изрешетили пулями, как мишень в Таврическом саду, и еще бросили бомбу, осколки повредили позвоночник и ноги. При нем постоянно дежурил лакей и носил его на руках, как дитя, с инвалидного кресла в уборную на горшок.

Дубасова, конечно, мыли и меняли ему белье, но этот запах застарелой мочи – результат недержания – Яков Костомаров чувствовал его, как и все в этом зале Купеческого клуба. Его бы воля, он намылил бы трясущегося генерала мылом

собственной фабрики прямо там, за столом. Чтобы от него не воняло.

– Спасибо, спасибо! – Растроганный Дубасов кивал трясущейся головой. – Спасибо, Москва. Спасибо, что не забываете меня!

На глазах его выступили слезы. Официанты начали обносить гостей за столом закусками и вином.

Все ели и пили и как ни в чем не бывало провозглашали тосты.

А в конце – уже в курительной клуба – случился громкий инцидент.

Этот штабс-ротмистр Саблин из жандармского управления – в парадном мундире, красавец-брюнет с родинкой на правой щеке и пудовыми кулаками...

Наверное, выпил лишнего, оттого и позволил себе... Может, нервы подвели, а то с чего бы он вдруг выкинул вот такой финт на глазах гостей Купеческого клуба?

Яков Костомаров не видел начала этой громкой ссоры в курительной. Его привлек шум, и он вместе с другими оказался там уже постфактум.

Красавец ротмистр Саблин с искаженным лицом и сверкающими гневом глазами схватил за грудки какого-то лысого господина в золотом пенсне и возил его туда-сюда, как тряпичную куклу, выкрикивая:

– Думская моррррррррда! Сссссссволочь! Вы закон приняли, чтобы в толпу стрелять! В толпу, где женщины и дети, – стрелять без ограничений! А мы, жандармы, полиция, это делай, расхлебывай! – Дальше он кричал уже матом, возя господина в пенсне спиной по подставке с курительными трубками. – Думская сволочь! Вы такие законы принимаете, а нам, полиции, их исполнять! Я два года не сплю, слышишь, ты, гадина, я два года не сплю – слышу их крики там, в типографии на Валовой! Когда мы стрелять по ним стали по вашему иудинному закону, по вашему приказу!

– Это не мы! Отпустите меня! – визжал, извиваясь в железных руках ротмистра, господин в очках. – Мы дали гражданские свободы, мы хотели...

– Гадина проклятая! – Ротмистр Саблин его не слушал, он занес свой пудовый кулак, готовясь разmozжить изуродованное страхом лицо думского депутата. – Я два года с тех пор, с декабря пятого, не сплю! Они мне в уши кричат от боли, от ран! Мы их там по вашему указу расстреляли, а там барышни были, дети в этой типографии! Слышишь ты, у меня руки по локоть в их крови! Я проклят навеки! Мне что, пулю в лоб из-за этого? А ты, думская моррррда, чистеньким хочешь быть?! Чистоплюем? Убью! Слышишь ты, гадина, я тебя сначала убью за это за все!

Яков Костомаров понял, о чем он так кричит. О самом страшном и кровавом эпизоде – о штурме полицией и войсками типографии Сытина на Вальной улице. Там была такая каша! И рабочие стреляли в полицию, и она не церемонилась. Здание типографии начало гореть. И потом осталось столько трупов... Их развозили по всем больницам в анатомички – в Первую Градскую, в Четвертую Градскую. А еще было среди расстрелянных много женщин: барышни-агитаторши, юные революционерки – курсистки. И дети... Дети как из семей восставших рабочих, так и маленькие уличные разносчики газет, работавшие в типографии.

Их всех тогда расстреляли.

Без разбора. И старых и малых. И женщин и детей.

А теперь этот жандарм, пьяный, кричит, что он не может спать, слышит их крики. Их кровь на его руках.

Ротмистр Саблин с силой ударил думского депутата по лицу, и тот завизжал, как заяц. А из дверей раздался возглас бывшего генерал-губернатора Москвы Федора Дубасова:

– Вольдемар! Что ты творишь! Прекрати, ты пьян!!!

Вроде как Саблин был какой-то его дальний родственник. А вот нате же – попер против, причем прилюдно.

– А что они со мной сделали! – кричал из своего инвалидного кресла Дубасов. – Ты посмотри, что они со мной сделали! Я калека! Они ведь и в тебя тоже стреляли там, на улицах Москвы!

Члены Купеческого клуба, вначале опешившие, малость приободрились. Кинулись разнимать схватившихся, кликнули лакеев. Но со здоровяком Саблиным не так легко было справиться. Он бил думского депутата под дых и по сопатке. А тот все визжал, что они без высочайшего соизволения в Государственной думе пикнуть не смеют. Не то чтобы закон принять, разрешающий палить в толпу и в женщин.

Наконец их разняли.

Саблина куда-то увели. Возможно, на гауптвахту. Полицию и жандармов вообще сажают на гауптвахту? Яков Костомаров таких подробностей не знал.

Но от происшедшего у него в душе остался тяжкий осадок. Его брат Иннокентий... он схлопотал разрыв сердца как раз тогда, в пятом году, в разгар этих трагических событий, потому что был...

Брат был чувствителен, сентиментален и добр и ненавидел насилие. И всех жалел. И свой бизнес, фабрику, собственное дело, и наше бедное Отечество, и полицию, и непокорный народ, и... В общем, всех без исключения. У него осталось двое маленьких детей-сирот.

Вот так.

В курительной сначала воцарилось неловкое молчание, потом все громко заговорили, заспорили, как это и бывает. Начали что-то друг другу доказывать:

– А вы что предлагаете?

– А как надо было поступить тогда, в декабре пятого? Миндальничать с бунтовщиками?

– Но не расстреливать же детей! Бог такого не простит.

И все спорили, галдели, забыв о виновнике всей этой пресненской трагедии – генерал-губернаторе Дубасове, скорчившемся в своем инвалидном кресле, одетом в парадный мундир с эполетами и регалиями, пропахший мочой инвалидного недержания.

Якову Костомарову запомнилась реплика чернобородого красавца демонической внешности – сына промотавшегося на скачках купца Брюсова. Парня звали Валерий, и он издавал на отцовские деньги литературный журнал и писал недурные стихи.

Так вот он изрек печально:

Какая тоска настала в России...

Сказал, вроде никому не адресуя, но многие запомнили и согласились.

Какая же тоска настала в России... Господи ты боже мой...

Около полудня Яков Костомаров наконец выпил крепкого кофе и начал неторопливо одеваться, чтобы ехать завтракать в ресторан «Славянский базар», где у него была назначена встреча с Семеном Брошевым.

В «Славянский базар» приезжали часам к двум обычно именно завтракать. Обеды и ужины были не популярны. А вот завтраки затягивались порой допоздна.

Яков Костомаров облачился в новую суконную пару из черной шерсти, надел английское коричневое пальто, котелок. В Безымянном переулке его уже ждала пролетка.

В эту зиму снег сначала выпал обильно, но затем наступила оттепель и все растаяло. И теперь – везде лишь обледенелая булыжная мостовая и дощатые тротуары. И ни одного сугроба.

И вороны орут как больные, кружась над ручьем Золотой Рожок, над старыми липами и ветлами Вороньей улицы. Вороны тут испокон веков. А когда появилась фабрика и на Яузе возвели бараки, куда свозили падаль и туши скота, чтобы варить из них мыло, то и ворон расплодилось еще больше. Они гадили на деревьях и церковных куполах. И никто не мог ничего с этим поделать.

Яков Костомаров ехал через Таганку, через улицы, где жили староверы, мимо деревянных и каменных домов, церквей, лавок и магазинов. Тут все знакомое и

родное с детства. Мясники с Таганки пудами поставляли для фабрики бараний и говяжий жир. А также кости, копыта и прочее, все, что шло потом в варочный котел, в щелок, в мыльное производство.

Пролетка подскакивала на булыжной мостовой, лошадь бежала резво. Яков Костомаров из экономии не держал собственный выезд и рысаков. Это все понты, ненужные расходы. В Москве достаточно пролетки, извозчики на каждом шагу, в центре трамваи.

Он вдыхал стылый холодный воздух полной грудью. Эх, Москва, болтай – разговаривай... Звучи, пахни...

Придумать бы такой универсальный аромат для этого шумного, многоликого, изменчивого как мираж города! Абсолютно универсальный аромат – и для дам, и для господ, и для дома, чтобы выпускать не только духи, но и саше душистые для шкафов, сундуков, постельного белья. Чтобы озонировать воздух. Чтобы удалить разом все неприятные раздражающие запахи – канализации, ее отсутствия, вонь дощатых уборных на задних дворах московских мещанских домов, вонь кабацкого перегара, вонь жженного угля, невымытых мужицких тел, вонь дегтя, вонь прелых портянок, вонь ила на заболоченных берегах Яузы, вонь чада домен завода Гужона.

Ведь недаром же он учился во Франции на парфюмера, а до этого столько лет химии! Ведь он дипломированный парфюмер! Он хозяин фабрики, гордо именуемой «Товарищество провизора Костомарова». Его отец был действительно провизором, пока не разбогател на мыле от перхоти. Его брат был химиком и энтузиастом промышленного производства. А он – Яков Костомаров – парфюмер по образованию. И у него свои рецепты парфюмерии. Для всего. И для фабрики, и для жизни.

Придумать бы такой аромат... божественный, совершенный, уникальный! И назвать его... ну, типа, как у конкурентов было, у Брокара, – «Букет Плевны», или как агенты-осведомители доносят, что у Ралле колдуют над созданием какого-то там «Любимого букета императрицы». опередить их всех и сделать свое, костомаровское. Духи «Букет Москвы»!

Вот именно – «Букет Москвы».

И чтобы включал он все самое прекрасное, что он так любит с детства – аромат зимнего утра, свежего и чистого, аромат антоновских яблок по осени, аромат подмосковных ландышей, аромат взрезанного арбуза, аромат шоколада, и ванили, и корицы, и...

Они совершенно не сочетаются, как это совместить?

Основа должна быть лавандовой. Только тогда духи будут иметь успех. И мыло, и крем, и пудра, и все остальное. Полный косметический набор от фабрики Костомарова.

Пролетка взбиралась на горки горбатых таганских переулков, копыта лошади скользили по обледенелой мостовой.

Яков Костомаров грезил о своем изобретении, об аромате «Букет Москвы».

А на улице Солянке, которой они достигли, пахло конским навозом и дымом из печных труб.

В ресторан «Славянский базар» он опоздал. Стол в приватном кабинете уже накрыли по его заказу на двоих. Но Семена Брошева в кабинете не было. Яков разделся, глянул на часы-брегет. Что же это Сеня-то?.. Еще раздумает... Нет, это невозможно, они столько раз уже говорили, он твердо решил. Но ведь может испугаться. Это все же не так просто – это кровь и боль. И стыд. Дать от себя отрезать кусок.

Это же такая адская боль. Яков Костомаров заказал у официанта графин коньяка – полный, тот самый знаменитый графин «с журавлями». На хрустале выгравированы летящие журавли и залиты позолотой. По таким графинам в «Славянском базаре» отсчитывали счастливые часы. Если что, он потом добавит Семену Брошеву в коньяк настойку лауданума-опия. А уже после всего накачает его до самых глаз морфием. Это умерит боль.

По длинному коридору, разделяющему приватные кабинеты, сновали официанты в черных фраках и белых манишках. Из банкетного зала доносился шум-гам. Там гудели голоса.

Яков Костомаров вышел в коридор и увидел, что белые двери большого банкетного зала, словно вылепленного из снежного бисквита, распахнуты настежь.

За большим банкетным столом – уйма народа. В «Славянском базаре» гуляли черносотенцы. Яков Костомаров сразу это понял – некоторых он узнал. Кого-то прежде видел лично, других – в газетах на снимках.

«Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», забыв распри, давали завтрак-банкет в честь освобождения из тюрьмы мещанина Михалина – убийцы Николая Баумана.

Все это было еще так свежо в памяти из газет, освещавших и само громкое убийство, и процесс. Яков Костомаров увидел Михалина – щуплый, с сальными волосами, одетый в новую поддевку, косоворотку и бархатную жилетку, он сидел во главе стола, на почетном месте рядом с протоиереем Иоанном Восторговым.

Вот он встал с рюмкой водки в руке, явно робея, ободряемый союзниками и архангеловцами. То была разношерстная компания, надо заметить, вполне приличные господа, хорошо одетые, в тройках английского сукна, и рядом какие-то звероподобного вида «якобы казаки» – в алых черкесках с газырями, с обвислыми усами, краснорожие. Другие явно из мещанского сословия, что побогаче – в поддевках, в смазных сапогах. Эти истово ели, ели так жадно, что было понятно: банкет в роскошном ресторане для них – невидаль великая. И они благодарны только за то, что их сюда пригласили пожрать.

– Я... это... я весь полон чувств-с! Я благодарствую, – возвестил, взмахивая рюмкой, Михалин-убийца. – Благодарствую вам, господа хорошие, что не бросили меня гнить в тюрьме, выручили! А я ведь это... с полным почтением... то есть с полным воодушевлением тогда, из лучших чувств, из патриотических побуждений. Он же, этот Бауман... смутьян проклятый, на бунт народ подбивал тогда! Я как увидел его там, в пролетке, со знаменем-то красным, он что-то кричит, агитирует. И народ к нему льнет, слушает его антигосударственные речи. Так я взял трубу железную... И вот вам крест святой, – он воздел над сальной головой рюмку, – не колебался я тогда и не страшился! А каа-аак звезданул его по башке!

В банкетном зале, полном гостей, повисла мгновенная тишина. Даже вилки стучать перестали о фарфор.

– Вдарил с оттягом! – воскликнул Михалин вдохновенно. – Хрясь его по башке-то! Кровищи, кровищи! А он навзничь с пролетки-то. А я его еще раз, и еще, и еще, и еще. – Он рубил воздух ладонью, словно убивал Николая Баумана снова, здесь, за столом. – Так и брызнули его мозги на мостовую-то. И такая радость во мне взыграла в тот миг, такая радость светлая! Словно ангелы вострубили на небесах...

– И поделом бунтовщику! – заревел один из казаков.

– Урррряя! – фальцетом подхватил кто-то из одетых в поддевки и смазные сапоги.

– Мммммммля!

Словно бык промычал. Но это подал глас свой блаженненький Митенька Козельский, тоже приглашенный, но сидящий на отшибе, на самом дальнем конце стола, у открытых дверей.

Потому и двери в банкетный зал ресторана не закрывали официанты – Митенька Козельский, весь в репьях и засаленном тряпье, вонял немилосердно. Но его терпели в надежде – а вдруг пророчествовать начнет? Если же калом станет кидаться, как на паперти, то сразу же выведут!

– Здоровье господина Михалина! Побольше бы нам таких в наши ряды! – возгласил с энтузиазмом представитель «Союза русского народа».

– Он, между прочим, в нашей организации состоит! – тут же парировал некто из «Союза Михаила Архангела». – Вы своих героев имейте, не черта к нам примазываться!

– А никто и не примазывается! – обидчиво вскипели на противоположном конце стола. – Вы вообще... вы с тратами лучше разберитесь и с воровством!

– Каким таким воровством?

– А таким, о котором вопрос на заседании Думы поднимался нашим председателем Дубровиным!

– Да ваш Дубровин никто, выскочка, самозванец!

– Это ваш засраный Пуришкевич самозванец! Он деньги присвоил – это все знают. Департаментом деньги были выделены на борьбу с революцией, с либерализмом. Кинулись считать, а в кассе нет ни копейки. Пуришкевич все по карманам своим рассовал!

– Это Дубровин ваш вор, воруга! Казнокрад!

– Господа, вы слышали? Этот хам нас оскорбляет!

– В морду за оскорбление!

– Ххххххамы! – заревел кто-то в алой черкеске, вскакивая из-за стола.

– Сами такие!

– Да я сейчас твою морду!.. твою мать...

– Господа! Господа! – надрывался протоиерей Иоанн Восторгов, похожий на ослепленную светом бородатую сову – тучный, в черной рясе, покрытой жирными пятнами от жаркого. – Держите себя в руках! Прекратите свару!

– Ххххххамы!

– В морrrrrрдду!

– Господа, гимн, гимн! – Протоиерей Иоанн Восторгов вскочил на ноги. – Как в Думе, как в едином порыве – гимн, господа! Бооооооже, царяяяя храниииии...

– Бооооооже, царяяяя храниииии...

– Ххххххамы!

- Сииниильный держаавный... цааарствуууу над нааами...

- Слова перевираете!

- Бооооооже, царяяяя храниииии...

Спели гимн хором.

- Здоровье его императорского величества!

Выпили обоудно.

- А я хряясь по башке! - снова пьяно-ликующе возгласил убийца Михалин. - А он брык с пролетки-то, кровящи... И такая радость во мне...

- А вы рот нам все равно не заткнете, воры, предатели! И Пуришкевич ваш - жидомасон!

- Сам ты предатель! Сам ты жидомасон!

- В морду за такие слова!

- Стреляться! Я вас вызываю - тут же через платок!

- Да я тебя сейчас расплющу!

Звон хрусталя. Грохот тарелок, падающих на пол. Сначала двое, вскочив из-за стола, схватились за грудки. И вот уже четверо, шестеро - союзники против архангеловцев, и пошло-поехало!

В банкетном зале началась безобразная драка. Официанты металась по коридору, уклоняясь от летевшей из дверей зала посуды, и орали, чтобы немедленно вызвали полицию.

- Ужас... Что тут происходит?! И тут насилие?

В коридоре, точно фантом, возник давно ожидаемый Семен Брошев – в клетчатом костюме, в легкой, не по московской зиме накидке, чем-то неуловимо смахивающий на юродивого и одновременно на князя Мышкина. Белесый, невзрачный и такой светлоглазый, такой тихий.

– Яша... я всю ночь думал, не спал... Я что-то боюсь. И я не знаю, как сказать обо всем об этом Серафиме... Ой, а почему они тут все дерутся?

Черносотенцы сворачивали друг другу скулы, по залу летала посуда, стулья. Протоиерей Иоанн Восторгов кричал, чтобы прекратили, его никто не слушал. Митенька Козельский, уписывая пироги, восторженно мычал и пускал слюни, любуясь баталией.

– Почему они дерутся? – спросил Семен Брошев Якова Костомарова.

Тот сначала не ответил. А что тут скажешь? Вспомнил, как однажды, примерно в таких же вот обстоятельствах гражданской свары, спросил его купец Третьяков, мрачно попыхивая гаванской сигарой:

– Что делать нам, предпринимателям, купечеству в этом бедламе?

Тут дверь частного кабинета напротив распахнулась, и они увидели своих соседей – тоже накрытый стол, на нем тоже два графина с коньяком и с «журавлями», но уже пустых, и один полный.

Два господина – настоящих красавца, раскинув широко руки, стояли посреди кабинета. Яков Костомаров их узнал моментально, потому что встречал в этом ресторане частенько.

Оба корифеи Московского Художественного театра. И не просто корифеи, но основатели. Один – отпрыск купцов Алексеевых, взявший себе звучную сценическую фамилию, – высокий пышноволоосый красавец в пенсне на шелковой ленте.

Другой – красавец в английской тройке, кудрявый ухарь с аккуратной бородкой.

Видимо, уже напившись вдрызг, они играли в «журавлей», вперяясь взглядами в пустые хрустальные графины.

– Курлы, курлы, полетели! Ах, белые березки... Хочу туда, где березки! – восклицал корифей в пенсне. – Володенька, полетели?

– Костенька, айда, мы же энергичные люди! Курлы, курлы!

Они маленьким сплоченным клином кружили по кабинету, норовя выскочить в коридор, полный бушующей кабацкой стихии.

Но как раз в этот момент к ним самим заскочил некто в алой черкеске с газырями – лысый, потный, расхристанный в драке, пьяный.

Секунду он пялился мутным взором на корифеев Художественного театра, изображавших «журавлей», а потом рявкнул:

– А по сусалам?!

Корифеи замерли. Тот, что в пенсне, гордо вскинул голову, явно желая ответить черносотенцу, но товарищ ухватил его за пиджак:

– Костя, Константин Сергеевич, я тебя умоляю, не связывайся! Оставь.

На улице Никольской уже свистели городовые. И вот передовой отряд полиции ворвался в ресторан и кинулся разнимать дерущихся.

Яков Костомаров с минуту созерцал и это поучительное зрелище. Черносотенцы пытались бить и полицию тоже, но она им этого не позволила. И вскоре вместо матерного рева зазвучали негодующие голоса:

– Да как вы смеете?! Я патриот, а вы – рукоприкладство... Ой, за что меня-то, я вообще ничего, это меня били, я потерпевший! Вы полиция или кто? Мы истинные патриоты, а вы нас в кутузку? Это полицейский произвол! Сатрапы!

– Полицейские сатрапы! Охранка! – завизжал кто-то из «Союза Михаила Архангела».

– Совсем распоясались! Жандармы! – это кричали уже в «Союзе русского народа», те, которых городские волокиты в участок.

– И революционеры то же самое полиции на митингах кричат, – наивно заметил Семен Брошев. – Так в чем же разница? Где во всем этом смысл?

Яков Костомаров закрыл дверь кабинета, отсекая от себя с Брошевым драку, черносотенцев, городских, корифеев Московского Художественного.

Они сели за накрытый стол.

– Тебе лучше выпить коньяка, Сеня, – сказал Яков Костомаров. – У нас впереди многотрудная ночь. И лучше тебе выпить, расслабиться.

Они сидели в «Славянском базаре» долго, завтрак затянулся до самых сумерек. В белом бисквитном зале давно все утихло, полиция навела порядок, черносотенцы подались восвояси, лакеи собрали осколки посуды с паркетного пола, вымели сор, унесли остатки еды на кухню. Украдкой от метрдотеля допивали вино из бутылок и бокалов.

Белый зал закрыли, жизнь ресторана вошла в обычную колею. А Яков Костомаров все вел душевную беседу с Семеном Брошевым, подталкивая, подводя его, как сазана подводят уточкой под сачок, к последнему решающему шагу.

Корабль...

Они оба говорили о нем.

И еще о белых голубях.

– Я хочу, я решил, я сделаю, – твердил Семен Брошев дрожащими губами. – Вот так разом освободиться от всего – от вождения, от страстей, от этого внутреннего жара, что беспокоит меня и не дает достичь полного совершенства, идеала, к которому я стремлюсь. Я жажду чистоты и покоя. Но я не знаю, как сказать об этом Серафиме. И как вообще с ней быть после того, как все произойдет. Она и так уже догадывается. И она меня пугает. Она такая

решительная, непримиримая. И Адель... Адель на нее влияет, я говорил тебе.

Серафима Козлова – невеста Брошева из богатых купцов с Полянки – рано потеряла и мать, и отца. В приданое ей по завещанию доставался миллион с условием, что она выйдет замуж за Семена Брошева. Их еще в отрочестве «сговорили» родители. Серафима вкусила все прелести богатой самостоятельной жизни – ездила в Париж и Женеву. В Париже простаивала ночами у театра, надеясь узреть своего кумира Сару Бернар. А в Женеве училась на курсах при университете. Там она познакомилась с Аделью Астаховой – барышней еще более решительной, яркой феминисткой. И по возвращении в Москву они были неразлучны.

Семена Брошева Серафима опекала, относилась к нему не как к жениху, а как к малому ребенку. Она была нежна с ним и снисходительна. А он то впадал в тяжелую депрессию, то вновь и вновь искал духовный путь. Они вот уже два года откладывали свадьбу.

Яков Костомаров подозревал, что все Сенины сентенции насчет воздержания и чистоты – плод его импотенции, в которой он стыдился признаться не только невесте, но и самому себе.

Тогда какая разница ему? Стать «белым голубем» в такой ситуации даже предпочтительно. Ну, возможно, это слишком радикальный путь, однако...

У Брошева рудники, фабрика, за ним банк, и это такое подспорье Кораблю в нынешние непростые времена! Если он примкнет к «белым голубям» плотски, эту связь уже будет не разорвать. И община воспользуется его капиталом. Ради расширения производства фабрика «Товарищество провизора Костомарова», не задумываясь, запустит жадные руки в брошевские деньги.

На один проект нового аромата «Букет Москвы» уйдет уйма средств. Потому что любое совершенство – дело недешевое, и сначала деньги надо вложить, чтобы потом иметь прибыль.

Это и господин Маркс говорил. Яков Костомаров в свое время почитывал «Капитал» на немецком. И почерпнул там для себя немало экономически полезных советов относительно прибавочной стоимости.

Но в одном он с Марксом категорически расходился. В вопросах социального мироустройства.

Впрочем, с правительством он в этих вопросах расходился не менее кардинально. После событий пятого года в патологическом страхе перед революцией правительство занялось пропагандой и кастрацией мозгов населения через прессу, газеты, путем вдалбливания набивших оскомину истин типа «самодержавия, православия, народности». Все это была такая чепуха! Народ поначалу слушал, потом тупел, а потом начинал озлобляться. И эта злоба kloкотала глубоко внутри, в самой толще и гуще масс, куда не достигали истерические филиппики журналистов-пропагандистов.

Яков Костомаров – купец и потомок мещанина-провизора – видел это и понимал. Сам он наблюдал народ на своей фабрике и на соседнем заводе – Гужона. Там можно было многое увидеть и понять.

Эта злоба, эта отчаянная жажда справедливости, это вождение и зависть, эта ярость – все это плотские страсти. И никакая пропаганда с ними ничего поделать не могла. У мужиков кипела кровь, чесались, распухали яйца. И они начинали меряться друг перед другом, у кого эти яйца круче.

А вот «белые голуби» яйца себе отрезали. И делались такие тихие, кроткие, послушные, покорные. Обожали копить деньги, работали как заводные.

Вот Антипушка – кормчий Корабля – всегда приводил притчу насчет животного мира, как оно в природе-то – быки, мол, бодаются, бараны тоже, петухи дерутся. А лиши их мужского естества, и получают волы, валухи покорные, что влекут себе рабочее ярмо и не ропщут. Живут лишь для себя, не обременяясь ни потомством, ни долгами, ни страстями, ни скандалами.

Аки голуби безгрешные...

Антипушка Кормчий появился на фабрике еще при жизни старшего брата – просто захаживал, проповедовал свое. Брат Иннокентий ничего ему не позволял, вообще считал изувером.

А вот Яков после восстания на Красной Пресне, после всех этих трупов и расстрелов, после бунта и тупой апатии, окутавшей Москву, словно серая вата,

решил дать Антипушке-кормчему сыграть на фабрике свою роль.

Антипушка привел своих единоверцев – здорового как медведь Онуфрия из сибирского Корабля и умного и сведущего в технике Федосея Суслова. Суслова Яков Костомаров сделал старшим приказчиком. Несколько месяцев наблюдал его – сгорбленный, безбородый, улыбчивый, кроткий, он начал увольнять рабочих и набирать кое-кого из своих.

И вот спустя два года на фабрике из двадцати девяти человек рабочего персонала – одиннадцать «белых голубей», убеленных. Двенадцать – все еще живущих в браке, но чутко внимающих проповеди кормчего и участвующих в радениях. Остальные, как всегда, колеблются. С одной стороны, привлекает соблазн денег, которые сулят за вступление в Корабль. С другой стороны, стыд и боязнь боли.

И есть еще молоденький дурачок из формовочного цеха, не убеленный по-настоящему, но перетянувший себе половые органы просмоленной бечевкой и похваляющийся этим, словно подвигом умерщвления плоти.

И тишь да гладь на фабрике все эти два года. Никаких там петиций, стачек, требований повысить заработок. Вот что значит – секта, вот что значит община.

Скопцы – это сила. И сила эта в самой их слабости и фанатизме, с которым они работают и живут. А живут лишь для того, чтобы работать и копить деньги, а еще сладко, вкусно есть, не позволяя себе при этом тонуть в пучине пьянства. Потому что отрезанные яйца и член, видно, и на это тоже мужское пристрастие влияют. Среди «белых голубей» – скопцов горьких пьяниц не водится. И это факт.

К концу застолья Семен Брошев совсем размяк. Он пил коньяк, и Яков этому не препятствовал, подливал незаметно еще и настойку опия. Лицо Брошева побледнело, покрылось капельками пота. Светлые глаза казались темными как ночь от расширенных зрачков.

Он все еще что-то с жаром молот про «чистоту и свое решение остаться чистым, незапятнанным, как в физическом плане, так и духовном».

А Яков Костомаров все больше убеждался, что перед ним импотент, боящийся не только физической близости с решительной и красивой невестой, не только супружества, но и жизни вообще – борьбы, насилия, лжи, правды, счастья, беды, удовольствий и потерь. Всего того, что он именовал «страстями».

Лучше убелиться и стать чистым.

Нет, кротким, апатичным, как вол в ярме.

Нет, как белый голубь.

Скопцы никогда не требовали у Якова Костомарова, чтобы он сам примкнул к ним, убелился. Они понимали границы дозволенного. Он бы и Сеню Брошева на это сам не стал подбивать, однако тот высказал определенные намерения. Грех было этими намерениями не воспользоваться ради того, чтобы Корабль-фабрика получил брошевские деньги и рудники, а также фармацевтические разработки.

– Но как же быть с Серафимой? – ныл Брошев. – Она же все равно узнает, этого же не скроешь. А свадьба?.. Она не получит наследства, если не выйдет за меня. И я думаю, она выйдет, и я... Я не в силах ей отказать. Мы поженимся.

– И станете жить как брат с сестрой. Без греха. Помнишь, что Антип-Кормчий тебе говорил? Это счастье, это радость, это духовное единение. Дух, ты же дух освобождаешь этим актом, Сеня, а плоть – плоть – она заживет.

– А это очень больно? – тревожно спросил Брошев.

– Это больно какой-то миг. Потом они тебя перевяжут, а я сделаю укол. И мы станем тебя выхаживать. Заботиться о тебе. Столько любви ты испытаешь!

– Правда? – Брошев осоловело моргал. – Я хочу любви, я так одинок. А Серафима – она холодная, насмешливая. Они такие передовые с Аделью! Постоянно какие-то собрания, кружки, благотворительность. Вся эта суета, пустота... Я так устал...

– Тебе сразу станет легче. – Тут Яков Костомаров лгал. – Ну что ж, надо ехать. Пора. Там все уже готовят.

– Ехать? Уже? Ох, я что-то боюсь.

– Ничего не бойся. Я с тобой.

– У меня странное предчувствие...

– Это естественно. Быть человеком, а стать «белым голубем», свободным для полета.

– Да, это так, это полет души туда. – Брошев махнул вяло рукой в сторону белой стены ресторана. – Но ты знаешь, мне кажется, Серафима о чем-то догадывается. Она следит за мной.

В ресторане Яков Костомаров не придавал значения этим его словам. Просто подлил ему еще опия в кофе.

В пролетке, когда они ехали в Безымянный переулок, Семен Брошев под воздействием коньяка и наркотика уже был никакой.

Он не замечал ничего: ни сырых сумерек, ни света газовых фонарей, ни ярких витрин на Солянке. Не слышал граммофона из открытых дверей трактира: «Паццалуем дай забвенье»...

Не ощущал холодного пронизывающего ветра. Он вперялся в пустоту остекленевшим от опия взглядом и лишь плотнее прижимался к Якову Костомарову, обнимавшему его в пролетке за талию.

В Безымянном переулке их уже ждали. Здоровенный Онуфрий в ливрее, стоявший на страже у подъезда костомаровского особняка, подхватил Брошева под мышки из пролетки и по знаку Якова Костомарова повел в дом – готовить к таинству.

Радение «белых голубей» в эту ночь обещало быть зрелищем не для слабонервных.

Семена Брошева сначала устроили в кабинете. Затем повели в специальную комнату при конторе фабрики. Там уже был застелен чистыми простынями

диван, стояли ширмы. За ширмами на столе Яков Костомаров подготовил саквояж провизора. Там хранились морфий, шприцы, спиртовка и много перевязочных средств.

Во время убеления все должно было произойти по традиции – как принято у скопцов и при этом не слишком стерильно. Но затем Яков Костомаров планировал оказать Семену Брошеву полноценную медицинскую помощь. Имелся наготове и знакомый врач, которому он щедро платил. Естественно, ни о какой поездке в больницу и речи не было.

Брошев остался на попечении Онуфрия и приказчика Федосея Сулова. А Яков Костомаров вернулся в дом.

Хотелось покоя и музыки хотя бы на час. Вдова брата перед тем, как уложить детей спать, всегда музицировала в гостиной на рояле. Она хорошо играла, и дети при этом всегда присутствовали – девочку приводила гувернантка, а малыша приносила нянька Маревна, и они сидели в креслах. Двухлетка-мальчуган тарашился на рояль, на яркие лампы, однако сидел на руках няньки тихо и никогда не плакал.

Яков Костомаров устроился в кресле и тоже слушал – вдова брата играла Шуберта.

Яков закрыл глаза, весь отдаваясь мелодии. Скоро, скоро их Корабль, обгаренный кровью нового убеленного, поплывет в землю обетованную. Мужики в это верят. Кормчий Антипушка умеет уговаривать – ласково, проникновенно. Мол, все несчастья на свете от «лепости злой», от страстей, от тела греховного, от жара в чреслах – похоть рождает вожделение, а вожделение – зависть и жажду перемен, и жадность, и ревность. А кто убелился – тот очистился и стал свободен от плоти своей.

Это одна проповедь. Тем, кто не очень в это верил, предлагалась кормчим проповедь другая – вот мы не женимся, оттого и богаты. Живем для себя, деньги у нас водятся. Пусть смеются над нами, обзывают скопцами. А за деньгами-то к кому идут, если банк в ссуде отказал? К нам, к скопцам, к ростовщикам. Сделаетесь как мы, и у вас деньги заведутся. Перестанете на фабрике, как простые, горб ломать, будете ссужать народ деньгами, купоны стричь. Спать на мягкой перине, вкусно есть. В Евангелии от Матфея-то не зря сказано, что есть

скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царствия небесного. А что евангелист одобрял, то, значит, хорошее дело, а?

Яков Костомаров слушал Шуберта и твердил себе: я так поступаю потому, что хочу сохранить фабрику и улучшить, расширить свое дело. Сердце брата не выдержало социальных потрясений, и я их тоже не хочу. После того, что мы видели и пережили, что нам делать? Что делать мне, оставшемуся одному как перст в этом мире, с фабрикой – нашим детищем на руках? Что мне делать? Возненавидеть царя и Думу, как жандармский ротмистр Саблин, ставший убийцей? Или примкнуть к обезьянам в их обезьяньих черносотенных союзах? Уехать за границу, эмигрировать? Но фабрика здесь, все мое здесь. Я хочу не так уж много, поверьте! Я хочу, чтобы на моей фабрике не было волнений и стачек. Чтобы мужики трудились и не кипели злобой на меня и мою семью, а были довольны. Сколько бы ни поднимал я им зарплату, они все равно не станут жить так, как я. Это невозможно. Значит, рецепт должен быть другим. И мой рецепт таков: община на фабрике, сплоченная секта скопцов.

И пусть Корабль плывет по своему пути.

И пусть вдова брата играет Шуберта каждый вечер.

И дети-племянники пусть смеются и растут в довольстве и счастье.

И пусть фабрика работает и процветает.

И я создам, непременно создам аромат «Букет Москвы» и вмещу в него все.

И это тоже.

И сладость, и горечь. И счастье, и боль.

После музыки он поцеловал вдову брата в щеку, поблагодарил и пожелал ей спокойной ночи.

Немного еще посидел в кабинете при выключенном свете, наблюдая из окна, как по темному двору темными тенями проскальзывают в здание склада «белые голуби».

Затем спустился вниз и через черный ход, через сад, через калитку, через фабричный двор – окольным длинным путем, чтобы его не видели рабочие, – сам направился в сторону склада.

Он вошел в пристройку и остановился перед закрытой деревянной дверью. В дверь был вделан «глазок» – чудо немецкой оптики. И Яков Костомаров прильнул к нему.

Помещение склада тускло освещали керосиновые лампы. Каменный пол был устлан свежей соломой. На этом складе хранились природные компоненты для мыла и кремов, поступавшие в контейнерах по железной дороге из-за границы. В контейнерах и брикетах хранились розовые лепестки, сухие травы и цветы из Грасса, лавр, мирт, душица, масло из оливок и виноградных косточек, апельсиновая цедра, сандал, благовония и много чего еще.

На складе витал тонкий аромат и атмосфера была особой, поэтому Яков разрешил проводить радения именно в этом месте. А еще здесь была дверь с потайным глазком, дававшим ему возможность видеть все тайком, не присутствуя на борту своего Корабля.

На радение собрались около двадцати человек. Женщин среди них – всего шесть. Все в белых рубахах из льна с широкими свободными рукавами. «Белые голуби», они сначала окружили кормчего Антипушку. Он стоял просто, опершись на клюку, и что-то тихо говорил. Потом все громче, громче.

Чудо чудесное... Готовимся принять нового брата. Но сначала надо очистить мысли и сердца.

Голос у него – ласковый и дребезжащий. Таким говорят очень старые мудрые люди. Но у Якова Костомарова отчего-то всегда ползли по спине мурашки, когда он слышал кормчего Антипушку.

«Белые голуби» негромко запели – ходили за три моря, летали за три моря... искали, искали... Голуби божьи, голуби святые...

Они словно пели колыбельную самим себе. И в этот момент кто-то – кажется, придурковатый паренек с перетянутыми веревкой чреслами – зажег в углу склада небольшую жаровню и начал накаливать на ней некие предметы.

Бритву и нож, очищая их огнем.

«Белые голуби» встали друг за другом и, тихонько топоча босыми ногами, двинулись по кругу. Как корифеи Московского Художественного, спьяну изображавшие журавлей.

Летали за три моря... кружили над землю... смотрели, постигали, знали, учили, радели на славу...

Их голоса звучали все громче, а кружится они начинали все быстрее.

Тут двое из них внесли в склад ворох чистых тряпок, бутылку с оливковым маслом. И потом, пропав на мгновение в сумраке и снова возникнув, они втащили железное корыто, полное свежего навоза.

Запах дерьма примешивался к ароматам сухих трав и цветов. Яков Костомаров чувствовал его сквозь щели в двери, в стенах склада. И у него снова запершило в горле. Он ощутил, как у него разом взмокла спина и вспотели ладони.

Белые голуби, пух голубиный... пух безгрешный... страсти людские, моря житейского лодка наша, крепкий корабль...

Фигуры в белом кружились волчком – круг распался, и теперь каждый вертелся сам по себе, по заданному бешеному ритму. Просторные рубахи надувались парусами. Скопцы воздевали руки к потолку и пели, а потом просто хрипели, кричали в радостном возбуждении. Кто-то, не выдержав ритма, упал на солому и забился в судорогах. Другие понемногу сбавляли темп. И вот почти все остановились – потные, дышащие, как запаленные лошади. Их лица были бледны, но они улыбались, потому что верчение изгнало из них, как им казалось, «злую лепость», и они были чисты и готовы принять в свою стаю нового «голубя».

И он должен был впорхнуть вот-вот...

И он «впорхнул».

Онуфрий и приказчик Суслов – оба в белых рубахах, босые – ввели в центр круга Семена Брошева. Он еле плелся на подгибающихся ногах. И они поддерживали его с великой заботой. От коньяка и опия он мало что соображал, взгляд его был стеклянным.

И на миг у Якова Костомарова сжалось сердце. Это походило на жертвоприношение. Но он помнил о рудниках, капитале и банке, стоявшем за Брошевым, и... Это же миг один! Вот сейчас он закричит страшно, а потом обмякнет. И они станут его лечить.

С Брошева бережно сняли белую рубаху, и он стоял теперь голый, безвольно опустив тонкие руки. Его худое тело отливало желтизной. Костлявые плечи, впалый живот. Кормчий Антипушка доковылял до него и ласково погладил сначала по голове, потом по плечам. И начал что-то шептать, делая рукой округлые приглашающие жесты.

Брошев стоял безучастный. Но внезапно встрепенулся, окинул склад осмысленным диким взглядом, попятился, хрипло вскрикнул. И тут же его сзади крепко схватил за локти здоровый Онуфрий.

Придурковатый парнишка, взвизгнув от восторга, быстро извлек из горячей жаровни бритву и нож и бегом ринулся к приказчику Суслову. Тот взял у него бритву.

Сделал шаг, другой, пал на колени перед Брошевым. «Белые голуби» протянули свои руки вперед, словно прося подарить им кусок плоти, что вот-вот будет отсечена, и...

Суслов полоснул бритвой.

Склад потряс дикий, нечеловеческий вопль.

А потом еще какие-то звуки – их Яков Костомаров услышал со стороны фабричных ворот, выходящих к складам завода Гужона. Словно глухие удары, голоса, топот сапог.

Семен Брошев отчаянно кричал, пока Суслов орудовал ножом и бритвой, кастрируя его.

Кровь хлынула потоком, обагрив их ноги и солому. «Белые голуби» подтащили корыто с навозом и буквально толкнули оскотенного Брошева туда, в теплую жижу – по старой традиции и старому рецепту.

Яков Костомаров чувствовал, как его наполняет тошнота. Сколько крови... Они там тряпки суют, пропитанные маслом, но сколько же крови!

Снова раздался грохот, а потом топот. И вот где-то во дворе у складов зазвенела трель полицейского свистка.

Брошев дико визжал и бился в железном корыте. В стену, в двери склада уже стучали.

«Белые голуби» сгрудились вокруг Кормчего, они не понимали, что происходит.

Понимал Яков Костомаров: нагрянула полиция. Полицейские сломали ворота со стороны завода Гужона и теперь рыщут по складам. Но как они узнали о радении? Кто донес? Кто навел?

– Откройте, полиция! Соппротивление бессмысленно! Откройте, или мы дверь сейчас выломаем!

– Именем закона!

– Они его там убивают, слышите?! – истеричный женский крик. – Да сделайте же что-нибудь, они его там убьют!

Яков Костомаров застыл в подсобке у глазка деревянной двери. Он ощутил, как сердце его... Он узнал этот женский голос.

– Ломайте дверь! Я умоляю вас, господа, ломайте дверь! – это кричала уже другая женщина.

Полицейские начали высаживать дверь склада, и она с треском распахнулась.

Они ринулись внутрь, подстегиваемые криками Семена Брошева. У них были фонари. Яков Костомаров из своего укрытия увидел их всех: городских, офицера полиции и двух женщин в бархатных шубках, отделанных горностаем, с непокрытыми головами – рыжую и брюнетку.

Он узнал их моментально, потому что встречал и в театрах, и на балах. Серафима Козлова, невеста Брошева, и ее неразлучная подруга Адель Астахова. Это они привели полицию к «белым голубям».

Серафима бросилась к жениху, бившемуся в корыте с навозом.

– Изуверы! – кричала она. – Арестуйте их! Они его убили! Сеня... Боже, он умирает!

Полицейские схватили кормчего Антипушку и приказчика Сулова, тот успел бросить на пол окровавленную бритву.

– Они его кастрировали, варвары! – потрясенно ахнула Адель Астахова. – Доктора! Надо пролетку. Его в больницу надо, не мешкая, он столько крови потерял.

– Ищите Якова! – бешено крикнула Серафима Козлова. – Костомарова ищите, он тут быть должен! Это он его подбил, я знаю. Он у них в этой секте главный. Я их разговоры слышала. Я думала – это вздор, шутка, я сначала так думала. А потом поняла – дело серьезное.

Полиция обшаривала склад.

Яков Костомаров тихо вышел из пристройки и через темный двор побежал что есть духу в сторону железной дороги. Там его не будут искать. Там он и отсидится. А потом, утром, вернется в особняк, вызовет поверенного в делах, юристов и начнет думать, как быть.

– Яков, слышишь меня?! – иступленно кричала Серафима. – Я знаю, ты где-то здесь, прячешься, трус! Изувер! Я все равно тебя достану! Я тебя достану, мерзавец! Слышишь меня, я отомщу!

– Сима, мы его засудим, мы его разорим. Он на каторгу у нас загремит, – твердила ей Адель Астахова. – А сейчас о твоём женихе надо позаботиться. Везти его в больницу, а иначе он умрет, ты его потеряешь.

Яков Костомаров бежал, не чувствуя холода. Нырнул в отстойник для вагонов. Затаился. Сердце его бешено колотилось в груди.

Вспугнутые криками и светом фонарей, над ветлами ручья Золотой Рожок летали вороны, орали дурными голосами.

По всему Безымянному переулку хлопали двери, калитки, кричали люди и далеко в ночи разносились трели полицейских свистков.

Глава 3

Между Андроньевским монастырем и «Серпом и молотом»

Наши дни

Люди способны на многое. На такое, о чем они даже помыслить не могут. Никому бы в самом страшном сне не привиделось, что уважаемый отец семейства, член правящей партии, муж и отец, владелец строительных фирм, разбросанных по всему Подмосковию, в один прекрасный день вдруг слетит с катушек и в городской администрации Краснопрудска расстреляет из пистолета своих добрых знакомых из числа местных чиновников.

Чего-то там не поделили. И – трах-тарарах! Нет большей трагедии, чем когда вот так происходит, когда человек вроде бы нормальный вдруг начинает вести себя как мясник, а потом проявляет чудеса ловкости, уходя от погони по горячим следам, устраивая на федеральной трассе полоумные гонки, разбивая машины, пересаживаясь из одной в другую и снова удирая. Пересекает МКАД и, сопровождаемый воем полицейских сирен, на разбитой машине несется дальше, минуя спальные микрорайоны Москвы, парки, проспекты, дорожные развязки, везде создавая аварийные ситуации. Затем упирается в железную дорогу и,

бросив машину, бежит, задыхаясь и обливаясь потом, в сторону старой промзоны.

А там сигает по ржавым крышам, ныряет из одного заброшенного цеха в другой, скачет козлом, рискуя вот-вот схлопотать инфаркт, но не схлопатывает его, а уходит все дальше и дальше, держа своих преследователей из числа областных полицейских на хвосте. И они тоже – неуклюжие и потные, в тяжелых бронежилетах – скачут за ним козлами, преследуют, чертыхаются, одновременно надеясь догнать и страшась потерять его в этом хаотичном нагромождении ржавого индустриального старья.

И совсем не обращая внимания на место, куда завела их лихая погоня.

Если и были у этого места злые гении, а они были...

Если имелись у этого места демоны и темные тайны, а их накопилось в избытке...

То именно они притянули сюда как магнитом краснопрудского убийцу. И это они помогали ему, учетверяя силы, а потом внезапно, словно по мановению волшебной палки, оставили его там, где и началась уже совсем другая история.

Катя – Екатерина Петровская – криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, впоследствии не раз думала об этой погоне, как о прелюдии.

Естественно, ЧП в Краснопрудске поставило на уши весь Главк. Местных краснопрудских сыщиков, кроме группы преследования по горячим следам, и областное начальство как-то сразу оттерли от эпицентра событий. В Краснопрудск, точно стервятники на свежий труп, слетелись все – и спецы из Министерства, и, конечно, суровые Конторы.

По инструкции и по своим обязанностям Катя должна была выезжать в Краснопрудск и готовить комментарии для прессы от лица Главка. Но суровые Конторы сразу подмяли под себя все, выслав окормлять розыск полукрупного начальника, слывшего в профессиональных полицейских кругах причудливым оригиналом и неутомимым затейником, готовым звездить по любому поводу от рассвета до заката. То он с натужным сарказмом комментировал в Твиттере

мировые политические новости, обращаясь неизвестно к какой аудитории. То снимался в третьесортных фильмах. А то вдруг начинал петь и плясать на эстраде, выписывая кренделя, словно уж совсем некому стало выступать на концертах, кроме как безголосым косоротым старым грибам за пятьдесят с генеральскими погонами правоохранительных ведомств.

Катя в Краснопрудск не поехала, а когда стало известно, что стрелка все еще не поймали, все еще гонят его, преследуя по столичным дорогам, она решила подождать развития событий и присоединиться к группе перехвата, выезжавшей из Главка на Никитском.

Следуя в служебной машине вместе с телевизионщиками, Катя не особенно смотрела по сторонам. Все в центре пока, вот проехали Таганку. Группа перехвата то вдруг резво устремлялась вперед, лавируя в пробках, то медлила, тормозила, прислушиваясь к заполошной переключке по радию: вот стрелок бросил тачку и побежал на своих двоих, преследуемый сыщиками и гаишниками. Вот он бежит вдоль Курской железной дороги, минуя станцию Серп и Молот, вот ныряет в заброшенную промзону завода, вот выныривает. Его преследуют, он убегает, прячется в пакгаузах. Пистолет давно потерял, сам красный от натуги, но все еще бежит, взбирается по пожарной лестнице. Прыгает по крышам, ловко и целеустремленно приближаясь...

К чему?

Куда?

Да, Катя впоследствии часто думала, что в тот день краснопрудского стрелка вел если не рок, то уж точно призраки ЭТОГО МЕСТА.

Этот уголок Москвы, этот маленький треугольник на столичной карте... Она прежде не бывала тут никогда.

Это место между Андроньевским монастырем и «Серпом и Молотом»...

Злые гении – они не дремали. Они почувствовали, что их час пробил. И совсем скоро тут, как портал, откроется черная дыра, откуда ползут старые кошмары, похороненные в сердцах и в памяти, но не забытые и не прощенные.

Но поначалу все выглядело просто полицейской погоней за преступником.

Стрелок сиганул с крыши на крышу, спрыгнул, ударился коленями о разбитый асфальт и оказался на территории какого-то строительства – явно остановленного до лучших времен. Побежал в сторону кирпичного здания старой постройки, окруженного ямами, выбоинами, пустыми вагончиками для рабочих, нырнул внутрь...

Группа преследования с проклятиями скакала по крышам. А группа захвата вместе с телевизионщиками и впавшей в охотничий азарт Катей как раз заруливала со стороны переулков – сначала в один, потом во второй и...

Полицейские из группы преследования потом говорили – они услышали скрежет, а затем грохот, словно что-то обвалилось, а потом вопль.

От группы перехвата и Кати их отделяло еще приличное расстояние. Заработала рация.

– Он в старом заброшенном цехе. Вроде куда-то провалился.

– То есть как провалился? Куда?

– Как сквозь землю. Ищем. Вон, слышите, орет! Это там, в цехе, внутри. Вы где?

– В каком-то переулке. Сейчас глянем по навигатору. Это Безымянный переулок. Тут к вам дальше не проедешь. Паркуемся здесь и идем.

– Мы нашли его! Он и правда провалился. Тут какая-то дыра в кирпичках.

Катя вылезла из машины. Финита, погоня закончена. Вот что значит для члена правящей партии, владельца фирм, мужа и отца, примерного семьянина корчить из себя урку-отморозка в припадке мгновенного умопомешательства! Сколь веревочка ни вейся, а конец один.

Тут она впервые огляделась по сторонам.

Это уже потом, когда начались все эти невероятные, страшные, кровавые события, Катя стала определять для себя это место «между Андроньевским монастырем и «Серпом и Молотом».

А пока она видела обычный московский переулок. Ну, может, не совсем обычный.

Потом, когда все началось, она вообще стала считать его уникальным. А пока видела перед собой лишь узкую улочку, тротуар и дома. Кирпичный шестиэтажный дом, бывший доходный или вроде того, хорошо отреставрированный. И еще здания явно заводского типа – одни старые, чуть ли не начала прошлого века или даже конца девятнадцатого, а другие – явно семидесятых годов. Кирпичный дом определенно жилой, здание семидесятых переоборудовано под офисы, а вот кирпичные заводские строения выглядели по-разному: одни уже хорошо отреставрированы, другие сильно запущены.

Над низкими крышами высились серые многоэтажки соседней улицы. Где-то проскрежетал трамвай. Но в этом Безымянном переулке трамвайных путей не наблюдалось. Зато тут теперь было полно полицейских машин. И не только полицейских, но и дорогих иномарок тоже.

Переулок мгновенно наполнился народом. Из окон кирпичного дома выглядывали жильцы. Сразу же образовалась группка неизвестно откуда взявшихся пенсионеров, были тут и мамы с детьми. Из офисного здания выходили хорошо одетые клерки.

– Что случилось? Почему столько полиции?

Всем, конечно, любопытно.

– Граждане, тут проводится полицейская операция по задержанию преступника! – объясняли Катины коллеги. – В целях вашей безопасности оставайтесь на месте!

– По задержанию? Он кого-то убил? Это тот, про кого по телевизору говорят?

Новости летят со скоростью света.

Часть группы перехвата осталась на месте, чтобы ограничить доступ любопытным. А Катя вместе с телевизионщиками, ведомая звуками рации, двинулась в проход между невысокими кирпичными зданиями.

Она сначала поняла лишь одно: здесь, в этом переулке и дальше, туда, куда они сейчас идут, раньше была территория какой-то фабрики. А сейчас тут что? Все готовят на слом или на реставрацию?

Она достала планшет и обратилась к навигатору. Где они? Это район Таганки... Нет, уже ближе к Рогожской Заставе и... Вот река Яуза, Андроньевский монастырь, завод «Серп и Молот», Золоторожский Вал. А они вот тут, в переплетении, в крестополосице переулков – Безымянного, Гжельского, Хлебникова и Андроньевского проезда.

Катя снова огляделась – теперь они идут по территории стройки. Вон еще одно старое кирпичное здание, заброшенное, с выбитыми окнами и ржавой крышей. В дверном проеме стоит оперативник в бронежилете и машет им рукой – сюда.

– Он в дыру в полу провалился, слышите, как орет? Отыгрался. Кажется, ноги сломал, – объявил он жизнерадостно и бессердечно. – Теперь доставай его. А он – боров на центнер весом!

Катя услышала придушенные вопли. Краснопрудский стрелок уже кричал: «Ой-ееее!» и «Помогите, не бросайте меня!».

А потом... она услышала его вопль уже совсем другого тембра. В нем сквозил ужас:

– Вытащите меня отсюда! Вытащите скорее! Тут такое... тут костей полно! Вытащите меняяяаааааа!

Катя вошла в старый цех. Дохнуло сыростью, плесенью и холодом от этих искрошившихся под воздействием непогоды стен. Ржавые балки под потолком, груды мусора под ногами.

В центре, у пролома в полу, толпились полицейские. Двое уже спустились к «стрелку».

Но вот один, подтянувшись на мускулистых руках, появился в проломе – одна голова. Выражение лица растерянное.

– Подозреваемый там. У него травма ноги, – сообщил он. – Но там не только он.

– А что там? – Катя с поспешностью репортера криминальной хроники тут же задала вопрос и толкнула в бок оператора главковской киностудии – снимай, мол, рот не разевай!

– Там это... я прямо остолбенел.

– Да что там такое, лейтенант? – повысил голос начальник группы преследования.

– Черепа, – ответил полицейский и, скрывшись в дыре, спрыгнул вниз.

Глава 4

Черепа

Безымянный переулок запрудили полицейские машины с мигалками, что, в свою очередь, еще добавило зевак. Привлеченные шумом, сюда направили стопы свои жители окрестных домов в районе Волочаевской улицы, заспешили офисные клерки из Хлебникова переулка и улицы Прямикова.

Сломавшего ноги краснопрудского стрелка с помощью специальных лямок и носилок бригады МЧС извлекли из дыры, погрузили на носилки и под усиленным конвоем полицейских повезли для начала в больницу.

А вот с тем, что оставалось внизу, в проломе, еще предстояло разбираться.

– Вызывайте экспертов-криминалистов, – распорядился начальник группы захвата. – Наша работа тут закончена, теперь их черед. Не наше дело со всем этим разбираться.

Катя с диктофоном, все время норовившая подобраться поближе к дыре и заглянуть туда, но постоянно отгоняемая окриками «Пресса, не мешайте!», поняла: ее коллеги из областного Главка тут умывают руки, спихивая все заботы на столичную полицию, точнее, на местных, из этого округа. Но их пока что-то не было видно, они сюда не торопились.

- Что все же там такое внизу? - спросила она сыщика, участвовавшего в эвакуации стрелка.

- Я же сказал - черепа, - ответил он неохотно. - Кости. Еще какая-то дрянь.

- Старое захоронение?

- Не похоже. Скорее, склеп или подвал. Да, наверное, подвал. Они там на полу лежат - скелеты.

- И сколько их? - Катя ощутила внутри противный холодок.

- Много, я не считал. Мы там на эти кости все не наступить старались.

- Сюда должна приехать бригада экспертов, - внушал кому-то по мобильному начальник группы. - Это территория Москвы, они должны заниматься. Нет, это не свежие трупы. Это останки. Какой давности? Я не знаю, это пусть эксперты установят, я не специалист. Да, сюда нужны патрульные для оцепления места. Здесь уже народу как на базаре. Все смотреть рвутся. Мы тут останемся только до приезда патрульной службы. Передадим место с рук на руки.

Примерно через полчаса прибыли патрульные, а еще минут через пятнадцать - машина криминалистической лаборатории. Эксперты в защитных костюмах направились на территорию стройки. Всех лишних попросили пока удалиться.

Катя решила, что она это событие застолбит за собой. Пусть краснопрудским стрелком занимаются суровые Конторы, там дело уже ясное и нудное. А вот тут - не пойми что.

Сплошные загадки. И неважно, что это территория московской полиции. Она все равно наберет тут кучу материала и напишет для интернет-версии

«Криминального вестника Подмосковья».

Но пока ее выставили с места происшествия вон. И она решила понаблюдать за происходящим издали – из народной гущи.

– Что это вообще за место? – спрашивал начальник группы у патрульных. – Кто строительство ведет? Как связаться с владельцами здания?

– Что тут происходит? – это спрашивал высокий темноволосый мужчина лет тридцати пяти, с решительным видом пробиравшийся сквозь зевак к полиции.

За ним следовала очень полная, скорее даже сверх меры тучная блондинка в деловом костюме и расстегнутом светлом тренче. Все сидело на ней скверно, однако вещи выглядели дорогими.

– Они кого-то поймали, – на ходу объясняла она мужчине, горячо жестикулируя. – И хотят видеть владельца домовладения. Саша, что мне-то делать?

– Позвони Алисе, пусть едет сюда. – Темноволосый мужчина пытался найти среди полицейских начальство. – В чем дело? Кто-нибудь может объяснить нам, в чем, собственно, дело?!

К нему подошел старший группы, затем патрульные и сразу отвели его в сторону.

– Света, позвони Алисе, – обернувшись, попросил, точнее, приказал темноволосый мужчина толстой блондинке.

И тут Катю кто-то довольно сильно дернул за рукав плаща.

Она обернулась.

Позади нее стояла женщина – почти такого же роста, как сама Катя, высокая. И, как блондинка Света, чрезвычайно тучная. Даже еще толще. Одета она была нелепо – в растянутые серые спортивные штаны и расстегнутую розовую куртку, казавшуюся на ее массивной фигуре почти детской.

Катя поклясться была готова, что именно эта женщина дернула ее за рукав, но выражение лица у незнакомки было странным – каким-то сонным. Она словно спала на ходу с открытыми глазами. Эти глаза смотрели на происходящее мутно и одновременно словно не замечали ничего вокруг и фиксировали происходящее, как объектив видеокамеры.

Возраст женщины не угадывался – около сорока, а может, и больше. На ногах у нее были кроссовки на липучках. В руке – полиэтиленовая сумка. От женщины исходил резкий кисловатый запах аммиака и немытого тела, но на бомжиху она не походила. Лицо бледное, однако стрижка аккуратная, очень короткая, и в ушах – золотые сережки-гвоздики.

– Простите, вы что-то хотели у меня спросить? – Катя посмотрела на нее в упор.

Женщина словно смутилась, тут же потупилась и начала переминаться с ноги на ногу, как делают дети у школьной доски.

– Лиза, Лиза, иди домой! – раздался женский окрик. – Я тебя жду, иди домой. Нечего там смотреть, иди скорее домой, моя хорошая!

У единственного подъезда шестиэтажного кирпичного дома стояла старушка – согбенная, седенькая, в длинной коричневой кофте и домашних тапочках. Она махала женщине рукой, маня ее.

– Тамара Николаевна, вот именно! Вы Лизу лучше уведите домой, – крикнул кто-то из толпы собравшихся на тротуаре.

– А что там такое-то? Чего полиции-то столько? – спросила старушка, продолжая манить толстую женщину пальцем.

– Там, на территории фабрики, могилу нашли!

«Вот кто им сказал? Откуда они уже все знают? – подумала Катя. – Наши только что из дыры вылезли. Эксперты только что приехали. Из местного ОВД пока никого нет. Вот откуда все сразу всё узнали? Молва стоустая...»

О городской молве Катя впоследствии в этом деле слышала не раз и не два. Но тот первый случай мгновенного распространения новостей в этом месте между Андроньевским монастырем и «Серпом и Молотом» путем сарафанного радио поразил ее несказанно.

– Вы из полиции?

Кто-то снова подошел сзади и спрашивал Катю – негромко, но очень настойчиво. Она в этот миг наблюдала за толстухой Лизой – та послушно шла к старушке в коричневой кофте по имени Тамара Николаевна. И вот уже обе зашли в подъезд кирпичного дома.

Катя снова круто обернулась. Еще одна женщина перед ней. И тоже пожилая. И тоже явно вышедшая во двор из этого вот дома, привлеченная шумом и воем полицейских сирен. На вид за семьдесят, вся седая, но волосы тщательно завиты. Одета тоже в спортивные брюки и шерстяной кардиган. На плечи небрежно и очень элегантно накинута светло-серая куртка.

– Вы из полиции? – повторила она.

– Да, тут произошло задержание опасного преступника, – ответила Катя.

– Я видела – его увезли уже. А до этого по телевизору передали, что он в Краснопрудске расстрелял городскую администрацию.

– Не совсем точно, но...

– Это правда, что там, на нашей фабрике, нашли могилу? – спросила пожилая женщина.

– Я не в курсе. Там действительно что-то нашли под полом в старом здании. Будут работать эксперты.

– Там у вас все мужики. – Пожилая женщина поморщилась. – Мужики – идиоты. Вы девушка молодая, у вас живой взгляд. Пойдите, скажите им.

– Что сказать?

- Пусть не трогают. Пусть все там закроют и замуруют.

- Это невозможно. А вы знаете, что там такое?

- Я всегда знала. - Пожилая женщина как-то странно глянула на Катю, искоса, и вдруг усмехнулась: - Я всегда знала и ждала чего-то подобного. Что вы стоите столбом, ступайте, скажите им - пусть не трогают, пусть замуруют все опять!

- По любому факту обнаружения захоронений и человеческих останков полиция вынуждена работать и разбираться, - сухо, казенно ответила Катя.

- Я же говорю, мужики - идиоты, полиция. - Пожилая женщина покачала головой. - Не выпускайте их...

- Кого не выпускать?

- Их.

- Да кого их-то?

- Чертей, духов... этих. Оставьте там, где лежат, так будет всем нам лучше. - Женщина секунду смотрела на Катю, потом махнула рукой. - Да что там! Что проку с вами говорить, вы все равно не понимаете.

- А вы очень странно выражаете свои мысли, - заметила Катя. - Вы тут живете? В этом переулке? Я запишу ваш адрес и фамилию.

Пожилая женщина повернулась к ней спиной и начала пробираться сквозь толпу зевая с быстротой, удивительной для ее преклонного возраста.

Катя лишь пожала плечами. Городские сумасшедшие в своем репертуаре. И тут в Безымянный переулок въехала машина местного ОВД «Таганский» и еще одна машина - экспертов-криминалистов с Петровки.

Глава 5

День города и порка всех желающих

За всей этой суетой и неразберихой и день пролетел совершенно незаметно. Катя глянула на дисплей мобильного – начало шестого. Сколько времени она тут торчит, в этом Безымянном переулке!

Коллеги из группы преследования и группы перехвата уехали – их всех ждали оперативно-следственные мероприятия по делу краснопрудского стрелка.

Катя осталась, но быстро поняла, что работа экспертов-криминалистов только начинается.

– Здесь работы на всю ночь и завтрашний день, – хмуро объяснил ей один из экспертов, заглянувший в дыру в подвале, – фактически это эксгумация.

– А когда возможны первые результаты?

– Вечером. Но ничего обещать не могу.

И Катя подумала – надо взять паузу, а вечером, попозже, вернуться сюда, в Безымянный.

Переулок постепенно принимал свой обычный вид. Проход между зданиями перегородили полицейской лентой и поставили патрульного. Любопытные постепенно рассосались. В офисном здании подходил к концу рабочий день. Местные жители тоже отправились по домам.

Катя сунула диктофон и мобильный, на который снимала, в карман и пошла по переулку в надежде выйти на какую-то более оживленную улицу и поймать такси.

Она снова оглядела место пугающей находки: дома, дома в ряд. И все разные. Тот самый кирпичный дом, явно старинный. Напротив – офисное здание, переделанное из какой-то промышленной постройки семидесятых. Вот уже

сумерки, а свет горит лишь в немногих офисах. Пятый и шестой этаж вообще темны. Освещен лишь первый этаж и некоторые окна на втором и третьем. Рядом – здания старинного промышленного дизайна, из красного кирпича, и напротив них – купеческий особняк в три этажа, на углу, у въезда в переулок, от которого она как раз сейчас удаляется. Крыша у особняка новая, из металлочерепицы, но во всем остальном вид запущенный. Окна темные, фасад не отреставрирован.

То же самое можно сказать и о зданиях фабричного типа, но лишь о некоторых. В двух, например, выкрашенных в цвет темного кармина, сделан ремонт. Расширены окна. Дома явно приспособлены под лофты. Но тоже пусты. А вот соседнее здание полно жизни. Это уже ближе к... Катя снова достала мобильный и по навигатору справилась, куда, собственно, движется – ага, в сторону Золоторожского Вала. И это здание, угловое, как раз представляет собой пример этакой джентрификации – тут открыт салон-студия красоты, магазин «Винил», кафе и рядом маленький паб с выставленной на улице черной доской, где мелом написано меню.

Она прошла мимо и оказалась на Золоторожском Валу. И тут же поймала такси и назвала адрес.

Ехать Катя собралась не домой, а в гости. Решив сделать паузу, она вдруг вспомнила, что следовала сюда, в Безымянный, с группой перехвата по Яузской набережной. Яуза, значит, недалеко, а раз так, то...

В доме на Яузе жил-был, как в сказке, Сережка Мещерский. Не то чтобы далеко жил, но и не близко, зато на Яузе-реке. И в гостях у Мещерского Катя не бывала бог знает сколько времени, целые века-столетья.

Сергей Мещерский – закадычный друг детства Катиного мужа Вадима Кравченко, с которым она не живет вместе, но все никак не разведется. Потому что Кравченко сказал однажды, как отрезал: развода я тебе не дам. Катя, конечно, и сама могла бы этот развод оформить, тем более что Кравченко вместе со своим работодателем стариком-богатеем Чугуновым жил за границей. Однако не оформляла и не добивалась. Каждый месяц муж отправлял на ее кредитку солидный денежный перевод. Но не в этом была причина того, что Катя не добивалась развода. Не в этом, черт побери!

Мещерский с Вадимом Кравченко общался больше, чем с Катей, хотя с Катей они были друзья, настоящие друзья.

Но вот не виделись сто лет.

Катя не стала звонить, просто приехала к знакомому дому на Яузе. Набрала код подъезда, поднялась по лестнице на нужный этаж и позвонила в квартиру. Сердце-вещун подсказывало, что Мещерский дома.

И не ошиблось.

Дверь открыли без лишних вопросов, и она увидела Сережку Мещерского. Маленький, он едва доходил высокой Кате до плеча. небритый, лохматый. В старых джинсах, линялой футболке и фартуке, с дырявой ложкой-поварешкой в руке. Мещерский был похож на актера Джека Леммона, и с годами это сходство усилилось. И вся сцена сейчас напоминала эпизод из чудесного фильма *The apartment*.

– Ты?

– Я, Сережечка.

– Ой.

Мещерский уронил поварешку. Она стукнула Катю по ноге.

– Я подниму.

– Я сам, сам! Ты проходи.

Он сделал шаг назад, широко распахивая дверь и пожирая Катю круглыми глазами.

– Ты прости, что я не позвонила. У нас было задержание тут недалеко, на Таганке. И там сейчас все заняты. А мне надо ночью туда вернуться. И я решила...

– Ночью куда вернуться? – спросил Мещерский.

– Потом расскажу. – Катя хотела наклониться и чмокнуть его по старой привычке в небритую щеку, но что-то ее удержало.

Давно они не виделись с Сережкой Мещерским, это правда...

Она вошла в квартиру. Все как прежде и не так. Стены, как обычно, вместо обоев заклеены географическими картами. Но вот местами это не настоящие карты, а все же голландские обои «под старинные карты». Мебели в двух комнатах мало – это как всегда, и она разномастная. Шкафы, набитые книгами и дисками. Пузатый диван. А вот телевизора нет. Вместо него напротив дивана плакат: «Выбрось свой телевизор!»

Зато на столе два ноутбука, гаджеты. И в углу, как всегда, куча туристского снаряжения, хоть на Эверест прямо сейчас отправляйся.

Но нет, и тут перемены.

Экономический кризис больно ударил по туристическому бизнесу. И турфирма Мещерского «Столичный географический клуб», специализирующаяся на экстремальном экотуризме, попала в жестокий шторм. Само то, что в сентябре Мещерский сидит дома на Яузе, а не слоняется где-то с клиентами по Непалу или не ползает с тургруппой по джунглям Папуа, красноречиво говорило: финансы поют романсы.

Но кроме кризиса в бизнесе имелся еще какой-то кризис, и Катя это моментально прочла по осунувшемуся и похудевшему лицу Мещерского. Да она вообще читала Сережку как книгу. Только вот сейчас страницы в этой книге не вызывали веселья.

– Ужин готовишь? – спросила она.

– Я... да... Катя...

– Что? – она смотрела на него.

- Это сон. - Мещерский покачал головой. - Я вот только сейчас подумал - хоть бы кто-то позвонил или пришел.

- Сереж, я...

- И ты пришла.

На кухне что-то противно запищало.

- Что там у тебя? - спросила Катя.

- Мультиварка. Я пасту варю.

- Макароны в мультиварке?

- Ага. У меня томатный соус.

Катя прошла на кухню. Мебель новая, но вид холостяцкий. Сплошной хаос. А на столе - бутылка красного вина, наполовину початая.

Еще не хватало, чтобы Сережка Мещерский пил в одиночку.

Мещерский отключил мультиварку и открыл крышку, оттуда повалил пар. Он выбросил пасту на дуршлаг. И тут же забыл о ней, потому что снова уставился на Катю.

- Мы давно не виделись, - заметила она.

- Много чего произошло.

- Но я так рада.

- И я рад.

Катя села за стол. Впервые, разговаривая с Сережкой Мещерским, она не находила нужных слов. Да, много времени утекло, и не надо делать вид, что они

оба не изменились. Много чего произошло, и это отразилось на них.

– Я думала, ты уехал куда-нибудь на День города, а потом вспомнила, что сегодня понедельник. – Катя и сама понимала, что мелет чушь.

Да, сегодня понедельник. А вчера был День города, и лило как из ведра все выходные. Поэтому так сыро.

– Я никуда не ездил. – Мещерский оперся на кухонную стойку. – На Тверской на День города поставили козлы и пороли всех желающих.

Катя молчала.

– Инсталляция такая историческая, перформанс. – Мещерский говорил на полном серьезе. – Поставили козлы и показывали, как раньше пороли. Я вот только не в курсе, чем – розгами, или батогами, или нагайками казачьими. И там каждый желающий мог лечь на эти самые козлы и попробовать себя в качестве поротого гражданина.

Катя молчала.

– Ведь это же надо до такого Москве докатиться! – Мещерский криво усмехнулся. – Перформанс как плод коллективного бессознательного из чрева Министерства культуры – порка всех желающих. Это прелесть, это просто чудо. На следующий День города они сделают другой перформанс – покажут, наверное, как вешали декабристов. А что? Не хило. Виселицу поставят на Тверской и разыграют инсталляцию. Как декабристов вешали, а они падали, веревки обрывались, а некто в золотых эполетах махал белой перчаткой – вешайте, вешайте. Смеху-то будет, радости на День города! Потешат народ в киверах и кокошниках новой забавой.

– Сереженька...

– Катя, я просто не могу, я задыхаюсь... Я тут задыхаюсь!

Он отвернулся. Катя встала, подошла к нему, обняла за плечи.

- Тебе вина налить? – спросил Мещерский.

- Налей.

Красное вино.

Мещерский после бокала смотрел так, словно хотел прожечь в ней дыру.

- Что скажешь?

- Сережа, я...

- Или мы совсем уже долбанные идиоты? Что с нами со всеми стало?!

- Мы не идиоты. Ты-то уж точно не идиот.

Мещерский не отрывал от нее горящего взора.

- Я вас любил, – сказал он.

Катя умолкла.

- Я вас любил... Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем, но...

- Сереж, мы сейчас поедим твою пасту, может, даже еще выпьем. И я тебе расскажу о деле, которое там, на Таганке.

Он умолк. Отвернулся.

Потом обернулся. Вроде бы снова прежний Сережка Мещерский.

- И что там на Таганке?

- Это ближе к Рогожской. Безымянный переулок.

- Не бывал там.

- И я тоже.

- И что там, в этом Безымянном переулке, стряслось?

- Там наши проводили задержание. А этот тип ударился в бега по крышам и вдруг провалился как сквозь землю. И в результате там наши нашли... могилу.

- Могилу?

- Старую могилу.

- Снова здорово! - Мещерский вылил соус из банки на пасту и разложил все это по тарелкам.

- Полную тайн, - подытожила Катя.

Она не могла видеть его таким... Как бы это слово лучше подобрать... отчаявшимся, что ли... замкнувшимся в своей скорлупе. Она пыталась разбить эту скорлупу. Ну хоть как-то, хоть чем-то!

- Я туда опять поеду, вечером попозже, - сказала она. - Там эксперты. Может, что-то прояснится.

- Тебя, как всегда, гложет профессиональное любопытство?

- Да, Сереженька. Этим только я и спасаюсь, чтобы не задохнуться.

Он заботливо посыпал ей пасту сыром. Потер небритый подбородок.

- На чем ты поедешь?

- Такси вызову. - Катя беспечно тряхнула волосами.

- У меня машина на стоянке, на набережной.

– Ты хочешь поехать со мной?

– Я не могу допустить, чтобы ты ночью ехала одна смотреть какую-то могилу.

Катя подумала – рыцарство у Мещерского в крови. В этом его стержень – он рыцарь.

Но Мещерский тут же добавил:

– Вадька с меня шкуру спустит, если узнает, что я отпустил тебя куда-то ночью, одну, искать каких-то могильных приключений.

Муж – Вадим Кравченко, по домашнему прозвищу Драгоценный, – далеко. А тень его все тут! Рядышком!

Катя не стала спрашивать: он тебе звонит? О чем вы там с ним беседуете?

– Я тебе сейчас расскажу все по порядку. – Она завела свою прежнюю шарманку. – Чтобы ты был в курсе, как и я.

Мещерский пожал плечами. Сначала вяло и равнодушно. Но Катя начала рассказывать про погоню. И как патрульный крикнул из той дыры: тут черепа!

И мало-помалу черный сплин начал развеиваться, как пепел по ветру. Взгляд Мещерского оживился. В глазах снова засверкали знакомые зарницы.

Но Катя знала: с очередной порцией «Я вас любил, любовь еще быть может» она справится.

И сделает все возможное, чтобы ее верный друг не проваливался все глубже в собственную черную дыру отчаяния, одиночества, печали и разочарований. Она ему поможет. Она сделает все, чтобы хоть как-то его излечить.

Подсознательное

Александр Мельников закончил разговаривать по мобильному и убрал его в карман пиджака. Он смотрел в окно офиса на Безымянный переулок.

Звонила Лола – восемнадцатилетняя кокетка из танцевального клуба, спрашивала, ждать ли его сегодня. Мельников ответил, что не приедет. И чтобы она больше к нему не приставала. Девочка лишь хрипло засмеялась прокуренным тенорком, а потом начала всхлипывать. Он дал отбой.

А до Лолы звонил Виктор Ларионов. Он сказал, что полиция в старом цехе установила прожектор и начала работу в подвале. С ним разговаривал здешний участковый и просил подготовить для рапорта все документы на домовладение. Мельников раздраженно ответил, что пусть Ларионов об этом скажет его секретарше Светлане, а не тербит его по пустякам. На что Ларионов возразил: полиция – это не пустяки. Там эксгумация тел идет. Вот интересно только, как эти трупы очутились в замурованном подвале?

Мельников промолчал. Надеялся, что Ларионов оставит наконец его в покое. Но тот спросил, в офисе ли он. Надо потолковать. И тут Мельников просто нажал на кнопку отбоя. Да пошел ты, Витя!

И вот теперь стоял, смотрел на освещенный фонарями Безымянный переулок.

Этого еще только не хватало...

И так забот и неприятностей полно.

Так, пожалуйста, старая могила в фабричном цехе.

Это место – он почти ненавидел его. А ведь в этом старом районе Москвы прошло все его детство. И квартира его родителей недалеко. И в школу он ходил на Библиотечной улице, до которой рукой подать.

Они все ходили в эту школу. Школа славилась тем, что отлично преподавала математику и языки.

Он смотрел на свое отражение в стекле – сколько лет прошло с тех пор! Годы отделяют его такого, какой он сейчас, – тридцатипятилетнего мужчину, уверенного в себе, с хорошим образованием, с деньгами, не уroda (Катя узнала бы в Мельникове того самого симпатичного высокого bruneta в плаще, которого она отметила в толпе). Да, годы отделяют его от того нескладного порывистого подростка, каким он, наверное, и запомнился Безымянному переулку и всем окрестным местам.

Тогда еще жизнь тут по инерции вращалась вокруг фабрики. Но ее не стало, а память о ней жива.

И вот через столько лет это место фактически принадлежит ему. И фактически, и практически – небольшой кусочек Москвы, вся эта недвижимость.

Это Алиса его уговорила вложить сюда деньги. У нее имелся собственный интерес, одна бы она все это не осилила.

Поэтому по старой памяти обратилась к нему.

А он по старой памяти не смог ей отказать.

Он никогда ни в чем ей не отказывал.

Александр Мельников вспомнил Лолу: юная, горячая как огонь, тело роскошное, и при всем этом она плебейка.

Алиса в два раза старше ее. Дважды была замужем, первый раз развелась, второго мужа похоронила. Годы наложили на нее отпечаток – она слегка раздобрела, обрюзгла, хотя и тщательно следит за собой. Она курит. Она пьет вино, даже порой злоупотребляет. Но все равно – поставь ее на одну доску с плебейкой Лолой и – дистанция огромного размера.

Вот что значит порода и стиль!

Алиса – королева.

Царица его жизни. И в один момент она почти сломала эту его жизнь пополам.

Но он тогда вырвался из ее прекрасных рук. И оправился, и повзрослел, достиг многого.

И вот теперь они с Алисой на равных.

Ну, почти на равных...

Факт в том, что он по-прежнему не может ей ни в чем отказать.

И порой страшится этого в себе. И боится Алисы.

Хотя, если взглянуть на все трезво, он имеет над ней власть. Но она тоже имеет над ним власть. Это связывает их больше, чем...

Нет, об этом лучше не вспоминать.

Александр Мельников достал телефон и хотел набрать номер Алисы. Она же обещала приехать – тут два шага от бизнес-центра на Золоторожском Валу! У нее там какая-то встреча после презентации. Она владеет в этом бизнес-центре небольшой частью акций и даже выступала в роли консультанта по дизайну, хотя никакого художественного образования не имеет. Эти витражи в бизнес-центре, так украсившие здание девятнадцатого века из числа бывших контор завода Гужона, ставшего позже заводом «Серп и Молот», – она горячо поддержала эту идею.

Там работали классные специалисты и художники.

Но здание на Золоторожском Валу для Алисы – лишь первый шаг в нужном направлении. Ее всегда интересовал Безымянный переулок, потому что...

Потому что тут она родилась – вон в том кирпичном доме.

Потому что здесь ей знаком каждый камень, каждая травинка, пробивающаяся сквозь асфальт.

Потому что здесь была фабрика. А вокруг фабрики вращалась жизнь всей семьи Алисы в нескольких поколениях.

Интересно, как Алиса отреагировала, когда Света – его секретарша и их бывшая одноклассница – сообщила ей, что в заброшенном цехе нашли старую могилу?

Александр Мельников пожалел, что не сам сообщил ей эту новость. По голосу можно многое понять. Но его тогда, днем, прямо рвали на части полицейские, поэтому он спихнул это на Светку-секретаршу.

В общем, Алиса уже в курсе. И рано или поздно она сюда доедет с Золоторожского Вала, тут пешком можно дойти за пять минут, но Алиса всегда на машине. И он дождется ее. И они вместе сходят туда, за ограждение полицейской ленты, и посмотрят, что же все-таки там такое на самом деле.

А потом... Ну, все зависит от реакции Алисы. Может, она под влиянием момента крепко возьмет его за руку и сожмет до боли, как в детстве. И он покорно пойдет вслед за ней в подъезд кирпичного дома, что напротив.

Не в ту квартиру они с Алисой пойдут, которую он помнит с детства. А этажом выше – огромную, пустую, перестроенную из коммуналки в пять комнат. И там она обовьет его шею руками, как в юности, и он ощутит сладость ее губ и...

Мельников ощутил сильнейшее, острейшее желание. Эрекция была настолько сильной и неожиданной, что он не удержался и начал мастурбировать.

И тут же устыдился, что ведет себя как тот самый глупый, возбужденный пацан с потными руками и прыщами на шее, каким он был много лет назад. Но желание не отпускало, разгоралось все жарче.

Телефон в кармане пиджака снова зазвонил, но Мельников уже не обращал на него внимания.

В Безымянный переулок въехала машина. Катя и Мещерский вышли.

На фоне ярко освещенного окна на втором этаже офисного здания, на фоне опущенных жалюзи странно дергался в рваном ритме темный силуэт. И вот –

исчез.

Александр Мельников повалился в кожаное офисное кресло. Он дышал ртом, как рыба, выброшенная на лед.

Вот... вот оно... одно воспоминание о ней... это чисто подсознательное...

Никогда ни с кем так, как с ней, или при воспоминании о ней. Куда там плебейке Лоле! Куда там Светке-секретарше, влюбленной в него, как мартовская кошка!

Это чисто подсознательное.

При одной мысли о ней он испытал сейчас сильнейший оргазм, почти боль.

Если она, Алиса, узнает, догадается, прочтет по его лицу, то что она сделает с ним?

Это чисто подсознательное. Об этом ни одному чертову психоаналитику не расскажешь. Потому что это тайна.

После наслаждения наступила опустошенность. Затем все вроде бы вернулось на круги своя.

Но где-то глубоко внутри занозой засело желание все повторить. И уже по-настоящему.

А рядом с желанием гнезвился страх.

Так было всегда, когда он думал об Алисе. С самых ранних лет юности.

Глава 7

Семейные заботы

Звонок мужа Виктора застал Елену Ларионову в магазине «ИКЕА» в Теплом Стане. Нет, не для дома она поехала туда выбирать светильники, мебель и постельные принадлежности. А для хостела, который они с мужем планировали открыть в помещениях старой фабрики в Безымянном переулке.

Идея о запрете хостелов в жилых квартирах и жилых домах витала в воздухе, а это означало одно: хостелы переместятся в другие помещения. Так вот, супругам Ларионовым и пришла в голову такая идея, но проект пока оставался лишь на уровне бизнес-плана, потому что Виктор Ларионов – компаньон Александра Мельникова – в кризис потерял две трети своего состояния и теперь испытывал серьезные финансовые затруднения.

Однако Елена Ларионова – Леночка, как звали ее те, кто знал давно, – женщина энергичная и деловая, решила не опускать руки, а действовать. Вот хотя бы прошвырнуться на такси до магазина «ИКЕА» и взглянуть, и прицениться-прикинуть, посчитать, во что обойдется меблировка хостела. Благо день такой в Безымянном переулке тихий выдался – Алисы нет на месте, она проводит встречи и презентации.

Однако насчет «тихого дня» Леночка Ларионова ошиблась. Ее разом отрезвил звонок мужа:

– Леночка, ты где?

– То есть как это где? В магазине. Я же тебе сказала.

– Я не смогу отвезти Егора в Битцу, ты сама забери его из школы и отвези.

Егор – восьмилетний сын Ларионовых – посещал в Битцевском парке школу верховой езды. Тогда как пятилетняя дочь Ксения коротала время дома вместе с няней.

– У него уроки через час закончатся, а я в «ИКЕЕ», это Теплый Стан, тут пробка стоит по всей Профсоюзной! – возмутилась Леночка Ларионова. – Витя, ты там в двух шагах, забирай и вези сам!

Егор ходил в школу на Библиотечной улице – ту самую, которую в свое время окончила Леночка. Она родилась и выросла недалеко от Безымянного переулка – в Большом Факельном переулке. Родители работали на фабрике, отец инженером-технологом, а мать вообще заведовала отделом кадров. Но все это в прошлом, как и сама фабрика. Родители умерли, от них осталась просторная трехкомнатная квартира в Факельном. Еще одну квартиру, четырехкомнатную, в новом жилом комплексе в Новогирееве в середине нулевых приобрел Виктор – муж и тогда еще очень успешный бизнесмен. Они и жили в Новогирееве. А когда началась вся эта эпопея с кластером в Безымянном переулке, где Виктор Ларионов имел свою долю акций и собственности, решили вернуться в Большой Факельный, потому что до офиса оттуда рукой подать. В квартире родителей шел большой ремонт.

Но затея с кластером обернулась в кризис крахом. Это Леночка понимала сейчас умом и сердцем. Ей вот только не хотелось совсем опускать руки. Она надеялась на мужа. Виктор придумает что-нибудь, они выкрутятся. Выкручивались же они и до этого, хотя и теряли деньги!

И за сыном должен ехать сейчас тоже он! Не ей же рваться через пробки из Теплого Стана до Библиотечной! Однако Виктор на этот раз был категоричен, хотя чаще жене уступал:

– Леночка, забрать Егора придется тебе, я не могу отлучиться. Тут такое – ты не поверишь!

– Да что там такое? – встревожилась Леночка. – Архнадзор? Комиссия опять?

– Нет. Тут была полицейская погоня. Ну прямо как в фильмах. Зарулили в переулок авто с мигалками. А там, на фабрике, они за ним гнались.

– За кем?

– Вроде какой-то убийца, говорят – по телевизору передавали в новостях, но я не слышал. Так они его и не смогли поймать.

– А ты тут при чем? Пусть ловят, им за это деньги платят. При чем тут поездка Егора в конный клуб?

– Он провалился в подвал в старом цехе. В том, где мы ремонт законсервировали, пока... Ну, в общем, пока все там не обследуем.

– Там что-то нашли? – резко спросила Леночка.

– Да... То есть нет, не то, что мы думали.

– А что?

– Могилу.

– Могилу?

– Что-то вроде склепа, и там скелеты. Мне полицейский сказал. Их тут полно. Эксперты приехали. Они требуют владельцев зданий и территории. Я тут с документами. Мельников все это мне поручил, точнее, спихнул. Они сказали, я должен присутствовать. Так что я никак не могу отлучиться. Забери Егора из школы сама.

– А что за могила? – Леночка, казалось, забыла о сыне.

– Я не знаю. Это все под полом старого цеха. Меня туда не пускают. Но и уйти пока не получится.

– Надо же... И там что, трупы?

– Вроде как скелеты, мне полицейский сказал.

– Да, невероятно... Просто невероятно... – голос Леночки как-то осел. – Слушай, Витя, это просто невероятно!

– Это дополнительные хлопоты, затраты и неприятности нам.

– Да, конечно, однако... Нет, это просто невероятно! Алиса об этом знает?

– Наверное, Мельников ей позвонил или Света. Я не в курсе.

– Я ей сама сейчас позвоню, – объявила Леночка. – Ладно, насчет Егора не парься. Я отсюда никак не доеду, он Битцу сегодня пропустит. А из школы его няня заберет. Я ей тоже сейчас позвоню, они с Ксюшей пусть проедутся на такси до Библиотечной.

Успокоив мужа, она рухнула на диван-образец в смотровом зале. Позвонила няне и предупредила ее насчет сына.

А потом сидела довольно долго, словно собираясь с духом, рассеянно разглядывая покупателей «Икеи», проходивших через залы, заставленные мебелью. Она вспоминала. Она размышляла. И все повторяла про себя: надо же, невероятно... Это просто невероятно... Нет, не может быть таких совпадений.

Леночка набрала номер своей подруги, бывшей одноклассницы и нынешнего компаньона в бизнесе Алисы Астаховой, чтобы сообщить ей удивительную новость. Но номер Алисы был недоступен. Она отключила свой телефон.

Глава 8

Про любовь

Она хотела задержаться, но он сказал: Света, иди домой. Она хотела возразить, но он уже повернулся спиной и захлопнул дверь своего офиса.

Нет, не возразить она хотела, а попросить.

Но, собственно, о чем? Саша, можно я с тобой побуду пока...

Пока что?

Пока ты будешь ждать ее?

Светлана Колганова – секретарша Александра Мельникова – плелась по знакомой с детства Волочаевской улице. Вечер, час пик, когда весь усталый

народ понуро влачится с работы домой. Но на Волочаевской, почти как в спальном районе, тихо. Лишь изредка прогрехочет трамвай, которого не дождешься. Народ от метро «Римская» шагает пешком – но это с другой стороны. А со стороны Андроньевского проезда – никого. Одна лишь Светлана Колганова – толстая, нескладная, в тесном, но дорогом офисном костюме, в плаще, с сумкой – кожаным мешком на плече – топает: раз-два, раз-два – горе не беда...

Вон тот дом на углу – серенький, страшненький, в нем полвека не было ремонта. Там она и живет. А когда-то давно, в школьные годы, когда она девчонкой тут гайкала в школу, в булочную, в Дом культуры, дом считался образцовым. Отец Светланы, когда она еще под стол пешком ходила, трудился на фабрике и был передовиком производства. Он получил двухкомнатную квартиру в этом доме – потолки высокие, но вот санузел совмещенный. А потом в девяностых фабрику настиг полный крах. Отец мыкался со случайными заработками, работал в ЧОПе, запил горькую. И однажды сгинул в метро. Через неделю его нашли в морге уже мертвого, всего избитого. И так и не дозналась мать Светланы, кто его прикончил – то ли хулиганы в метро, то ли менты, когда задерживали пьяного и били дубинкой, чтобы не орал матом в переходе. Так и умер бывший передовик соцтруда фабрики, и прах его захоронен в могиле дальних родственников на Рогожском кладбище.

Отца Светлана скоро забыла, а о больной артритом матери заботилась, как могла, до самой ее кончины. Замуж в свои тридцать пять так и не вышла.

Детей не име...

Нет, вот тут не совсем точно.

Три года назад Саша Мельников – ее бывший одноклассник, а ныне преуспевающий бизнесмен, взявший Светлану к себе в секретарши после ее отчаянного ночного звонка к нему на мобильный, – сделал ей ребенка.

Светлану тогда уволили из фирмы, в которой она проработала десять лет. А она выплачивала кредиты – деньги брала в банке на отдых и на дорогие наряды, на сумки, на туфли. Она, конечно, от голода не умирала и побираться на улицу идти не планировала, но давняя страсть заставила ее обратиться за помощью именно к Мельникову.

Сашу Мельникова она обожала еще в школе. Да и потом, когда они встречались уже взрослыми, чувствовала такой жар в сердце – поднеси спичку, все вспыхнет. И такая любовь захлестнет, что мало не покажется.

Потеряв работу, она позвонила ему ночью – знала, что не женат, что гуляет направо и налево с молодыми телками, может, и сейчас в постели под боком какая-то вертится голышом, однако...

Мельников был любезен и добр. Посочувствовал в потере работы. Сказал – я подумаю, набери меня в конце недели.

В конце недели она снова набрала его номер. И он предложил: хочешь секретаршей ко мне? Зарплату большую, правда, предложить не могу, но если надумаешь...

Конечно, она согласилась.

В вопросе зарплаты он обошелся с ней как чистый капиталист. Светлана теперь получала вдвое меньше, чем в прежней фирме. Но она как на крыльях летала рядом с Мельниковым. Ходила за ним хвостом.

И однажды так получилось. Он находился в меланхолии. Светлана знала причину. Они как раз начали эту эпопею с кластером недвижимости в Безымянном переулке. Это была идея Алисы. И Светлана Колганова, с одной стороны, была ей благодарна за то, что Алиса своей волей собрала и вернула их всех сюда, в родные места, а с другой...

Слишком много всего. И плохих, ужасных воспоминаний в том числе.

И еще самое главное. Мельников снова подпал под чары Алисы. Она им вертела, как куклой.

А он впадал то в эйфорию, как прежде, в юные годы, то в жестокую депрессию.

И в один из таких депрессивных дней просто попросил Светлану Колганову его по-женски пожалеть.

Они провели вместе ночь. Светлана об этом всю жизнь мечтала. Она сгорела вся в этой постели, под его ленивыми настойчивыми ласками. Наверное, поэтому и забеременела сразу.

Ребенка от Мельникова она решила оставить. И поэтому сначала ничего ему не говорила. Второй месяц колебалась – сказать или нет.

В начале третьего месяца призналась, что беременна. Он сидел в офисе, просматривал на ноутбуке какие-то договоры на приобретение фабричных строений. А она вошла и прямо так брякнула: вот такие пироги, у нас будет ребенок.

Мельников откинулся на спинку кресла, скользнул оценивающим взглядом по толстой фигуре своей секретарши. А та стояла с пылающими щеками, красная как рак, но ужасно решительная и...

– Рожай, – сказал он, – Свет, давай, рожай, если хочешь. Материально я тебе помогу.

Вот так – и ни слова о браке. Но Светлана на это и не надеялась. Счастье захлестнуло ее волной. И это ощущение счастья, полета над землей лишь усилилось, когда на следующий день Мельников подарил ей букет красных роз.

А еще через неделю он взял ее с собой на выходные в подмосковный спа-отель в Дорохово. Они протрахались всю ночь, а потом нежились в джакузи, плавали в бассейне, сидели в баре. И он не разрешал ей пить, да и она сама не хотела спиртного. Живший в ней ребенок подчинял всю ее себе.

Светлана и сейчас, широко шагая по Волочаевской улице к родному невзрачному дому, вспоминала вкус поцелуев Сашки Мельникова на своих губах в те их недолгие звездные воробьиные ночи близости.

В следующие выходные она ребенка потеряла.

Выкидыш случился прямо в туалете в офисе. Мельников тогда ездил по каким-то делам. В офисе были лишь Алиса и Лена Ларионова. Они-то и вызвали «Скорую». И поехали вместе со Светланой в больницу.

Мельников заявился туда вечером, заплатил деньги, и Светлану перевели в коммерческое отделение. На следующий день ее навестила Алиса. И Светлана поняла: та уже в курсе.

Возможно, Мельников сам ей сообщил. Не скрыл.

Впрочем, Алиса тогда ничего ей не сказала, лишь просила не плакать и держаться. Она всегда умела уговаривать и внушать. А в детстве рассказывала им сказки. Страшные безумные сказки.

Светлана горевала о потере ребенка. Мельников смотрел на нее сочувственно и как-то выжидающе. Но затем все сочувствие пропало. Грянул кризис. Дела в кластере на Безымянном пошли вкривь и вкось. Компаньон Мельникова – муж Лены Виктор Ларионов – прогорел на каких-то махинациях с акциями на стороне и по уши оказался в долгах. С Мельниковым у них начались споры. С Алисой у Мельникова тоже начались споры, порой доходило до крика. И каждый раз он ей уступал. Только ей, потому что она имела над ним великую власть.

И все это клубилось, ссорилось и мирилось, и порой заканчивалось бурными ночами, страстными свиданиями. А Светлане оставалось лишь наблюдать и глотать непрошенные слезы обиды и ревности, сидя за своим компьютером.

Она вспоминала их общие школьные годы. Так было всегда. Но неужто весь ее жизненный удел, весь смысл в этом?

Ревность порой вскипала с такой силой, что ей хотелось убить.

А потом она сникала и снова превращалась в толстую верную послушную секретаршу, влюбленную в своего босса. Помани он пальцем, и она кинется к нему, раскрыв объятия, и все простит. Ну, точно такая же ситуация, как у него с Алисой. Говорят, весь мир полон такой долбаной симметрии.

Вот и сегодня вечером было такое настроение: ну скажи мне, чтобы я осталась! Ведь такое ЧП, такое дело небывалое – на старой фабрике нашли могилу...

Саша, ты помнишь сказки детства? Помнишь все эти страшные сказки, которые мы слышали?

Вот верь и не верь.

А могилу-то нашли. И теперь там полно полиции.

Ты, конечно, помнишь эти сказки детства, Саша. Так же, как и я. И ты специально велел именно мне позвонить Алисе и сообщить ей. Потом ты, естественно, позвонил ей сам и сказал. Но первой твоей реакцией все же был не испуг... Нет, нельзя назвать это испугом... Боялись-то мы в детстве другого, а это была просто сказка... кошмар Безымянного переулка...

И вот он нашел свое подтверждение.

Могилу нашли.

Интересно, что там?

Если то самое, о чем сказки страшные вещали, то вообще, конечно...

Хотя это дело столь давних дней.

Однако вон голос у Алисы как мгновенно охрип, когда она спросила: а что там, в этой могиле?

А я откуда знаю, дорогуша? Это ведь не мои были сказки, я в детстве была лишь покорным слушателем.

Но речь-то сейчас не об этом! Самое главное, что Сашка Мельников – отец ребенка – не захотел, чтобы я осталась с ним сегодня, в день такого ЧП. Он предпочел ждать тебя, Алиса, маяться там, в офисе, как горошина в стручке, и ждать. А меня – мать своего нерожденного ребенка – прогнал домой, как надоевшую собаку.

Светлана Колганова сглотнула непрошеные слезы.

Вот и дом.

Мрачный подъезд.

Отсюда она в давние годы выскакивала пулей и летела в школу, потому что там, в классе, учился с ней Саша Мельников, за которого она готова была тогда умереть.

А сейчас так хочет его убить.

Алиса, наверное, уже явилась не запылилась. Они поцелуются при закрытых дверях. А затем пойдут туда, в сторону старого цеха, к полицейским, облепившим там все, как назойливые муравьи.

И Алиса начнет интересоваться, задавать вопросы.

Полиции бы самой поинтересоваться, хотя...

Там ведь все давно умерли...

Это страшная сказка из прошлого. И там давно обрублены все концы. Остались лишь семейные истории да детские байки.

Но какие еще страшные сказки могут всплыть – вот это вопрос. Надо будет поинтересоваться завтра утром у Саши Мельникова, а помнит ли он другие страшные сказки? Надо посмотреть, изменится ли у него лицо при этом ее вопросе. Надо испортить ему утром настроение. А то он, возможно, ощутит себя на седьмом небе после того, как они с Алисой удовлетворят законное любопытство у полицейских в цехе и отправятся удовлетворяться телесно в постель. На всю ночь.

Светлана дернула что есть силы на себя дверь подъезда, забыв, что не набрала код. И дверь распахнулась. То ли она кодовый замок сломала, то ли еще что...

Светлана вся кипела от ревности. Когда ехал лифт, она размышляла, а не вернуться ли назад. И не прикончить ли их обоих – его и ее.

Нет, там сейчас полно полиции.

Что толку вести себя опять как сумасшедшая дура?

Глава 9

Московская готика

Сергей Мещерский вез Катю в Безымянный переулок с Яузской набережной каким-то другим маршрутом, не тем, каким такси доставило Катю к нему домой. Время – половина восьмого, самый час пик, и, зависая в потоке машин, Катя на этот раз внимательно глядела по сторонам. Этот район Москвы еще предстояло изучить для будущей статьи о таинственном захоронении.

– А где именно в Безымянном нашли могилу? – спросил Мещерский.

– Посредине переулка проход между зданиями старой постройки, явно фабричными, из красного кирпича. На территории не сплошь развалины, но все очень старое. Ремонт и реставрация затронули лишь те здания, что у проезжей части, а те, что в глубине, нет. Могилу нашли под одним из старых цехов. Я вот что подумала, может, там старинное кладбище под этим цехом?

– Андроньевский погост близко, но не совсем рядом, – ответил Мещерский. – Это действительно древнее кладбище, на его месте построили дворец культуры «Серп и Молот». Если только мертвецы ходы под землей прорыли. – Он усмехнулся. – А дворец культуры тоже пуст и заброшен. Решетки на окнах, внутри пыль, запустение и темные тени-фантомы. До железной дороги и дальше на территории «Серпа и Молота» много таких вот заброшенных мест. Ночью там не очень приятно. Но я бывал.

– Я знаю твою слабость к заброшенным промзонам, ко всем этим жутким складам, цехам.

– Это места силы. – Мещерский снова усмехнулся. – У каждого – своя история и тайна.

– Где мы сейчас едем? – спросила Катя.

– Андроньевская площадь, а дальше – улица Сергия Радонежского.

И Катя увидела странное место – может, ей в тот момент лишь померещилось, но она внезапно подумала: московская готика... Вот именно, московская готика. И это не темные готические фасады, крепостные башни и шпили, а вот это...

В желтом свете фонарей тополя в церковном сквере – как метлы, торчком воткнутые в землю. На дорожках полно палой, мокрой от прошлых дождей листвы. Мерцает подсветка, и стены церкви отливают в ее лучах собственным светом – мертвенно-зеленым, могильным (кто догадался выбрать такую краску?). На фоне желтых фонарей кружат вороны, и тополя полны черных куч в кронах – вороньих гнезд. А дальше – улица, заполненная транспортом.

Улица, лишенная симметрии, словно приплюснутая на один бок, где с одной стороны – пустота и простор, а с другой – ряд кривых купеческих домишек, выкрашенных в яркие цвета, с маленькими витринами – что-то вроде кафе или баров, но таких скособоченных, отреставрированных наспех и аляповато. И все это окутано теплым влажным сентябрьским ночным туманом, источающим запах бензина и прели, запах поганок, растущих в церковном сквере на древесных стволах, запах кофе из открытых дверей маленького кафе слева на углу.

А впереди над улицей словно парит в небесах гигантское современное здание, воздвигнутое как бы в пустоте над этой асимметричной, уродливой, сплюсненной улицей. Здание высотное, формой своей напоминающее перевернутую в другую сторону букву «Г» и одновременно «А», сложенное как небрежный конструктор и облицованное серым и черным мрамором.

И этот полунебоскреб ступает по уродливой улице, как великан в болотных сапогах, и кажется, вот-вот разгонит всех этих докучливых ворон, что кружатся в свете фонарей и орут на бесконечный поток машин, следующий из центра – куда?

Туда...

Кате не понравились эта улица и эта площадь до чрезвычайности. Но места еще более странные и мрачные были впереди.

Они развернулись, въехали в какую-то щель. «Улица Прямикова», – сказал Мещерский, снова свернули и въехали в Безымянный переулок через проход между офисным зданием семидесятых и его более старым соседом.

Мещерский остановился возле офисного здания. Лишь несколько окон на его первых этажах освещены. А вот кирпичный дом выглядел как обычный старый жилой московский дом в тихом переулке.

Катя вышла из внедорожника Мещерского, потянулась.

– Нам туда. – Она показала рукой.

И они направились к стоявшей у прохода между зданиями полицейской машине. В ней дремал один патрульный. Его напарник, видно, проявлял любознательность в старом цехе.

Катя предъявила патрульному свое удостоверение, и они пошли через темный двор, то и дело спотыкаясь о кучи мусора.

По двору тянулись кабели. Катя поняла: это для софитов, которые привезли эксперты и установили внутри.

Возле разбитой двери цеха курили двое мужчин. Один в деловом костюме и черной куртке нараспашку. По виду – типичный чиновник или средней руки бизнесмен. Полный, лет сорока, уже с залысинами и поэтому коротко стриженный. Он держал в руке папку с бумагами и что-то тихо говорил своему визави.

А этот визави с сигаретой, небрежно зажатой между пальцами, оказался Катиным коллегой, то есть человеком в полицейской форме. Молодой, маленького роста, как и Мещерский, едва достигающий высокой Кате до плеча.

Он был блондин, лицо в веснушках. Тело мускулистое, сильное, но посаженное на этикие коротенькие ножки-колышки, крепко попирающие землю. Нижняя челюсть выдавалась вперед, что придавало ему одновременно забавный, дерзкий и угрожающий вид. На подбородке – яркая глубокая ямочка. Глаза голубые – по семь копеек, под светлыми бровками-закорючками – зыркнули и

установились на Катю.

- Тут проводится полицейское мероприятие. Посторонним вход запрещен.

Голосок - мальчишеский, басовитый и наглый.

- Я знаю. Капитан пресс-службы ГУВД Московской области Екатерина Петровская. - Катя помахала и у него под носом удостоверением. - Это мы здесь задерживали утром преступника и обнаружили захоронение. С кем имею честь общаться?

- Участковый, старший лейтенант Лужков. Имеете честь общаться со мной.

- Это ваша территория?

- Я только с этого дня прикомандирован в «Таганский». Ну, считайте, что моя теперь, - Лужков зыркнул на Мещерского. - А это кто?

- Это антрополог, - не моргнув глазом, ответила Катя. - Консультант Сергей Мещерский. Я его пригласила помочь мне.

- А что вы делать собираетесь? - осведомился Лужков. - Там же эксперты кости сортируют по коробкам.

- Я пишу обо всех обстоятельствах задержания краснопрудского стрелка. Захоронение - это же факты, не так ли?

- Факты. - Маленький Лужков глядел на нее, выпятив свой украшенный ямочкой дерзкий подбородок. - Ладно, мне-то что. Пишите.

- А вы уж мне, пожалуйста, помогите, лейтенант. - Катя светло ему улыбнулась. - Мы можем с антропологом пройти туда? Но сначала - что это за место такое? Кому цех принадлежит?

- А это вот у Виктора Андреевича спросите. - Лужков кивнул на мужчину с залысинами и папкой.

– Ларионов, – представился тот. – Весь этот комплекс зданий принадлежит нам, обществу акционеров фирмы «Мельников и компаньоны». Я один из акционеров и являюсь главным менеджером по программе реконструкции всего комплекса промышленных зданий.

– Очень приятно. – Катя закивала, включая в кармане диктофон. – А что это за здания такие? Бывший завод?

– Раньше это была фабрика «Театр-грим».

– «Театр-грим»? – переспросил Мещерский.

– Фабрика по производству театральной косметики и парфюмерии, а до этого здесь была мыловаренная фабрика. Но с начала девяностых все производство остановлено. Здания переходили из рук в руки, никто этой территорией не занимался.

– Но и не ломали? – спросила Катя.

– Тут некоторые здания – памятники архитектуры промышленного дизайна девятнадцатого – начала двадцатого века и входят в список федерального наследия. Поэтому все так долго пребывало в полном запустении. – Виктор Ларионов вздохнул. – Мы с компаньонами три года назад выкупил этот кластер с обязательствами реставрации исторических зданий и реконструкции. Вот и занимаемся потихоньку.

– Денег тут прорва нужна, – констатировал лейтенант Лужков, оглядывая разбитый двор.

– Мы много сделали здесь в переулке, не все сразу. – Ларионов пожал плечами.

– Мы можем пройти внутрь? – опять спросила Катя.

Лужков и Ларионов посторонились, давая им с Мещерским проход. Но тут же сами бросили окурки и двинулись следом. Видно, стало любопытно – чего это приехала какая-то девица с удостоверением и консультантом-антропологом.

Внутри цеха кипела работа, но лишь в том месте, которое ярко освещали два мощных софита на железных треногах. Они освещали примерно одну треть помещения. Все остальное тонуло во мраке. По потолку с ржавыми балками и кирпичным выщербленным стенам скользили гигантские уродливые тени. Под ногами хрустел битый кирпич.

Катя потянула носом – тленом и разложением не пахнет. Трусами тоже. Воздух в цехе сырой и тяжелый. И вокруг софитов вьется какая-то мошкара в своем последнем осеннем танце перед долгой зимой.

Бригада экспертов состояла из пяти человек – они все работали в ночную смену.

Катя громко поздоровалась, сообщила, кто она и откуда. Эксперты – люди интеллигентные и общаются с ведомственной прессой охотно. Кате разрешили задавать любые вопросы, но попросили передвигаться везде осторожно, и она поняла почему.

Ну, во-первых на ней не было защитного комбинезона, как на всех экспертах, а кругом такая пыль и грязь.

А во-вторых, здесь все уже было расчерчено мелом и везде в квадратах стояли картонные коробки с номерами, предназначенные для эксгумированных останков.

– Что там внизу? – спросила Катя старшего группы экспертов, как спрашивала до этого патрульных и сыщиков группы перехвата.

– Скелеты в количестве семи.

– Можно взглянуть?

Эксперт провел ее к пролому в каменном полу. На пролом были направлены яркие лампы софитов. Катя наклонилась. Нет, придется встать на колени и упереться руками в каменный пол, низко нагнуться, заглядывая туда.

Мещерский, дыша Кате в шею, последовал ее примеру.

Их взору открылось что-то вроде сводчатого подвала. Там, на полу, на корточках сидели эксперты в синих комбинезонах и защитных масках. Рядом коробки, а на полу – пластиковые ленты, полосующие пространство на квадраты, и в каждом квадрате – пластиковая бирка с номером.

Но не только это увидели Катя и Мещерский.

На полу лежали человеческие кости и черепа.

Ребра в свете софитов отливали темной желтизной.

Эксперт в комбинезоне и в резиновых перчатках держал в руках череп и аккуратно укладывал его в коробку.

– Когда они умерли? – тихо спросила Катя.

– Они не сами умерли, их убили, – ответил старший эксперт-криминалист.

– Кто?

– Кто сейчас на этот вопрос может ответить?

– А когда их убили?

– Давно. Судебно-медицинская экспертиза даст свой ответ после исследования. На мой взгляд, этим костям не менее ста лет.

– Сто лет? – переспросил Мещерский.

– Или около того. Там пуговицы на полу любопытного вида, фрагменты истлевшей одежды и кожаной обуви. Ничего ценного, впрочем, нет. Никаких дорогих вещей – ни колец золотых, ни часов. А в каждом черепе в области затылка – дырка.

– Дырка? – Катя нагнулась так низко, что едва не повалилась в дыру.

– Пулевое отверстие. И там несколько ржавых гильз. Их всех убили выстрелом в затылок, – сказал эксперт. – И сбросили в этот подвал. Всех семерых. Причем двое из них – дети, подростки, судя по останкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/prizrak-bezymyannogo-pereulka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)